

Орлов Борис

Социал-демократия в XXI веке: проблемы, поиски, перспективы

Аналитический обзор

Социал-демократам не привыкать, когда их противники – и слева и справа – обрекают их на поражение и – более того – на исчезновение. Жизнь свидетельствовала о другом. Во многих странах Европы социал-демократы после Второй мировой войны приходили к власти, уступали ее, затем снова приходили, – и так в ходе обычного чередования в рамках демократической представительной системы.

Часть 1

Введение

В социал-демократических текстах довольно часто можно встретить высказывание Ральфа Дарендорфа, согласно которому 20-ый век был в Европе по своей сути социал-демократическим. Но реже можно встретить продолжение суждения авторитетного европейского либерала, согласно которому приложив усилия к созданию социального государства, социал-демократия тем самым как бы исчерпала себя (1).

Социал-демократам не привыкать, когда их противники – и слева и справа – обрекают их на поражение и – более того – на исчезновение. Жизнь свидетельствовала о другом. Во многих странах Европы социал-демократы после Второй мировой войны приходили к власти, уступали ее, затем снова приходили, – и так в ходе обычного чередования в рамках демократической представительной системы.

Суждения Дарендорфа, тем не менее, вынуждают социал-демократов более глубоко присматриваться к своей сегодняшней деятельности, к своим перспективам с учетом принципиально новой ситуации, возникшей в мировом сообществе, вступившим в эпоху глобализации.

Для осмысления всей совокупности этих проблем социал-демократы накопили в 20-м веке достаточные заделы и в практическом, и в теоретическом плане. Эта деятельность нашла частичное отражение и в реферативных материалах, которые с начала 70-х годов стал подготавливать Отдел стран Западной Европы в рамках ИНИОН. Тематические сборники по отдельным партиям, деятельность Социалистического Интернационала, регулярно издаваемый журнал «Актуальные проблемы социал-демократии», а в дополнение к нему

журнал «Проблемы социал-демократии в исследованиях ученых социалистических стран», политические портреты социал-демократов (Брандт, Шмидт, Миттеран, Блэр и др.) – материалов накопилось столь много, что одно их перечисление в указателе реферативных материалов, изданном в ИНИОН в 1983 г. составило 258 с. (2). В 1989 г. пришлось издать дополнительный Указатель. И в нем перечисление новой отреферированной литературы по социал-демократии заняло 258 с. (3).

В 90-е годы, как для всей российской науки, для ИНИОН наступили тяжелые времена. Фактически встал вопрос об элементарном выживании. Но с началом нового века положение стало слегка выправляться. Стал выходить журнал «Социал-демократия сегодня». Выпуск 1, 2 (4). В двухтысячном году удалось издать проблемно-тематический сборник «Социал-демократия перед лицом глобальных проблем» (5). А в 2006 году в рамках журнала «Актуальные проблемы Европы» вышел тематический сборник «Социал-демократия Европы в начале XXI века: время перемен» (6), редактором-составителем которого была Татьяна Николаевна Мационашвили, позднее трагически погибшая в автомобильной катастрофе, и деятельность которой лишь частично отражена в посмертном издании (7).

За этим предельно кратким упоминанием реферативной литературы, изданной в ИНИОН, стоит практическая и теоретическая деятельность социал-демократии, опираясь на которую, она и приступила к конкретному осмыслению проблем, вступив в 21-ый век. Анализируя ее, можно делать вывод, что все минувшие десятилетия формировалась, развивалась, уточнялась политическая культура социал-демократии. Ее нынешняя особенность: она включает в себя деятельность политических партий, мировоззренческие позиции тех, кто не обязательно примыкает к политическому движению, но формирует ее интеллектуальную среду, а также, – хотя, впрочем, в первую очередь, – нравственные позиции тех, кто близко принимает к сердцу проблему социальной справедливости и чувствует свою долю ответственности за происходящее в мире. В идеале все три составляющие присутствуют в деятельности партий социал-демократической ориентации, но не всегда. Будем помнить, что, как и любая политическая партия, социал-демократическая партия состоит из живых людей, которые примыкают к ней по разным причинам.

В данном обзоре социал-демократическая политическая культура будет учитываться в широком понимании. Точно будет учитываться, что в социал-демократической среде осмысление проблем протекает в атмосфере постоянных дискуссий, споров, столкновений мнений. Это объясняется, в первую очередь, основополагающей позицией социал-

демократии: добиваться реализации требований социальной справедливости в рамках существующего политического и экономического строя (представительная и рыночная экономика) и одновременно продвигаться в сторону создания более совершенных общественных отношений за счет постепенной реализации основных ценностей свободы, справедливости и солидарности. И если одни в рамках социал-демократических партий видят перспективу в более последовательном продвижении в сторону «демократического социализма» (левые, «традиционалисты»), то другие делают упор на более эффективном функционировании экономики в новых конкурентных условиях, полагая, что только в таком случае обеспечиваются рабочие места и стабильное поступление налогов на социальные нужды общества. Этим называют либо правыми, либо «модернизаторами», а сами они перспективу развития видят в развитии и совершенствовании общества социальной демократии.

Такое состояние постоянного теоретического, но также и практического противоборства, с одной стороны, осложняет деятельность этих партий. Но, с другой стороны, это позволяет рассматривать обсуждаемую проблему с разных позиций, под разными углами зрения, что, в конечном счете, и является причиной живучести социал-демократических партий, если вспомнить, что многие из них возникли еще конце 19-го века. В данном обзоре это состояние противоборства по обсуждаемым проблемам будет учитываться.

И еще одно важное обстоятельство. У социал-демократов нет окончательных ответов на возникающие проблемы. Есть основополагающая позиция – добиваться социальной справедливости в условиях демократии и методами демократии. Остальное – в поиске, в размышлениях, в осмыслении постоянно возникающих новых ситуаций. Известное высказывание Бернштейна «Движение – все» в какой-то степени предельно кратко, но вместе с тем предельно точно отражает суть социал-демократии. Когда движение прекращается, партии сходят с политической сцены, как это произошло с Итальянской социалистической партией с ее, казалось бы, давними традициями.

Вот и в данном обзоре поиск проблем, осуществляемый социал-демократами, будет рассматриваться как постоянный и непрерывный процесс.

И последнее предварительное замечание. Как и другие партии, социал-демократия в настоящее время осмысливает причины возникшего мирового кризиса, способы выхода из него, его последствия на

дальнейшее развитие как отдельных стран, так и регионов (Европейский Союз), человечества в целом. В ходе кризиса обнажилась суть спора, который вот уже много лет ведут социал-демократы и неолибералы, – какова должна быть степень вмешательства государства в экономические процессы. Жизнь показала, что разрешать последствия кризиса без участия государства не представилось возможным. Казалось бы, тем самым была подтверждена правота позиции социал-демократов. Но каковой будет роль государства в дальнейшем? Каковы границы и возможности его эффективного влияния? В обзоре будет обращено особое внимание на подходе социал-демократов к этой проблеме, в том числе с учетом трудностей, которые накапливаются перед человечеством в ходе раскручиваемой спирали глобализации. Почему проигрывают на выборах даже самые успешные социал-демократии?

Начнем с рассмотрения проблем, с которыми социал-демократы сталкиваются ежедневно и ежечасно, если иметь в виду обстоятельства, складывающиеся в странах их деятельности. Речь идет о проблемах повседневной жизни, о социальных группах, интересы которых они представляют и от имени которых борются за представительство во власти.

После девяностых годов прошлого столетия, когда во многих странах Европы стояли партии социал-демократической ориентации, в начале нового столетия наметился явный спад. Тон в политике стали задавать партии консервативной, неолиберальной ориентации. Ситуация в Европе для социал-демократов была не столь уж трагична, как ее порой интерпретируют комментаторы. В той же ФРГ после 16-летнего правления канцлера Коля, в 1998 году, к власти пришли социал-демократы во главе с Герхардом Шредером. Через четыре года они на выборах в Бундестаг удержались у власти. И только в 2005 г., когда Шредер решил провести выборы на год раньше положенного срока, полагая, что тем самым переломит складывавшуюся для СДПГ негативную ситуацию, социал-демократам пришлось уступить место главной правящей партии христианским демократам. Но и в этом случае они остались у власти в роли младшего партнера в составе «большой коалиции», причем им, наряду с другими, достались такие важные посты, как пост министра иностранных дел и министра финансов.

Уже длительное время находятся у власти лейбористы в Великобритании. В Испании социалисты руководят страной. Во Франции социалисты проиграли на президентских выборах, но в местных органах власти у них – большинство. Социал-демократы Австрии также входят в

правлящую коалицию. В конце концов, смена у власти различных партий – дело обычное в демократических странах, и никто не может претендовать на бессменное правление.

Но вот электоральные неудачи социал-демократов в Скандинавии привлекли к себе особое внимание. Фонд Фр. Эберта совместно с Фондом Жана Жореса провел на эту тему конференцию в Париже летом 2008 г., на которую пригласили политиков и ученых из Швеции, Дании и Финляндии. Руководитель парижского бюро Фонда Фр. Эберта, Эрнст Хиллебранд делится на страницах журнала «Нойе гезельшафт Франкфуртер хефте» своими впечатлениями об этой конференции (8).

Во всей Европе, пишет Хиллебранд, левая Середина* ориентируется на самую успешную модель социал-демократической правительственной практики, на «Скандинавскую модель», известную во всем мире. В самом деле, высокая социальная защищенность в этих странах сочетается с высокой конкурентной способностью на международном уровне, высокая квота женской занятости сочетается с высокой степенью рождаемости. Здесь прекрасные показатели по образованию и высокая социальная мобильность. Чего вам еще надо?

И тем не менее, также и в Скандинавии, как и в остальной Европе, социал-демократы в последние годы терпят поражение на выборах, подчеркивает Хиллебранд. Только в Норвегии они выставляют главу правительства. В Финляндии они младшие партнеры в «большой коалиции», в Швеции и Дании они пребывают в оппозиции.

Что же такого ошибочного натворили социал-демократы Северной Европы? – задается вопросом Хиллебранд. На конференции выявилось, что при всех страновых различиях в ходе дискуссии выявились главные проблемы. Власть и ее отправление – такова была центральная тема, по которой выступали с докладами и дискутировали. Было обращено внимание на то, что социал-демократическая политика реформ 90-х годов и первой половины нового десятилетия в политическом плане оказались «ядом замедленного действия». Почему же? Социал-демократы позиционировали себя как технократы по управлению кризисом, не проявляя интерес к специфическому воздействию политики на свою электоральную базу. Они проводили политику, далекую от повседневных забот, от тех вещей, которые «люди обсуждают на кухнях».

Но о чем же говорят люди на кухнях? Социал-демократы Севера «прозевали», по крайней мере, четыре темы.

Первая тема – это страх перед глобализацией с ее последствиями. Оказалось, что это происходит и в странах, в которых свободная торговля

и глобальная экономическая ориентация заложена, так сказать, в экономических генах.

Вторая тема – ошибочное развитие социального государства. Произошла инфляция претензий в этой области при одновременной эрозии качества общественной инфраструктуры.

Произошло следующее. Социальные расходы и высокие налоги в Скандинавии основываются на центральном факторе: доверие и безупречное функционирование системы. И это доверие к системе поколеблено. Тем самым и доверие к социал-демократии как гаранта справедливого социального государства.

Третья тема – эмиграция. В Дании и Швеции социал-демократы долгое время отказывались серьезно рассматривать связанные с нею проблемы. Эту проблематику взяли на вооружение правые популисты. Исторически «люди малой квалификации» рассматривались как голосующие за социал-демократов. Сегодня этого нет, замечает Хиллебранд.

Четвертая тема – растущий скепсис по отношению к Европе. Если бы шведские политики сегодня проводили избирательную кампанию в пользу Европы, они оказались бы в весьма затруднительном положении. Причем у скандинавского евроскепсиса особый характер. Он связан не с опасениями экономического характера. Скандинавы любят как внутренний шведский рынок, так же и включающий 27 партнеров ЕС. Они – за отмену торговых барьеров. Этот скепсис основывается в большей степени на предположении, что Европа начнет вмешиваться в тематику социальной государственности и даже будет насаживать на «Скандинавскую модель».

Даже образцовым социал-демократам на Севере начинает мстить то обстоятельство, что они длительное время относились к европейскому проекту как к некой якобы неполитизированной самоцели. И при этом бездейственно взирали на то, что аппарат ЕС развивался в сторону идеологии дерегулирования и либерализации, что прямо сказалось в некоторых странах на поведении людей у избирательной урны.

Хиллебранд полагает, что наряду с собственными проблемами в последние годы появилась новая проблема. Скандинавские консерваторы раньше, чем в других странах, сообразили, что идея социального государства глубоко укоренена в западноевропейских обществах. Но это обстоятельство весьма усложнило положение социал-демократов, ориентирующихся на технократическое разрешение кризиса. Не в последнюю очередь по той причине, что их собственный многолетний

дискурс реформ не делает убедительной их критику относительно скромных реформ буржуазных партий. А для граждан различие в подходе к реформам со стороны этих партий стали не столь существенными. И консерваторы уже не доставляют социал-демократам удовольствия критиковать их как «волков либерально-экономического толка», пытающихся напяливать на себя «овечью шкуру социальной государственности».

В последнее время, несмотря на меняющиеся общественные условия, социальные государства стали привлекательными и для выплачивающих налоги средних слоев. Процессы индивидуализации в Скандинавии проходили также, как и в других странах. Но это не привело к десолидаризации, но к обществу «солидарных индивидуалистов» (8, с. 62). Эти люди хорошо понимают, чем может быть для них полезно функционирующее государство благосостояния.

Это обстоятельство утешительно для социал-демократов, замечает Хиллебранд, но оно в данный момент не помогает социал-демократам продвигаться дальше. Они могут надеяться на то, что консерваторы совершат ошибки, на другие обстоятельства. «Однако в структурном плане ситуация столько же трудна, что и в остальной Европе» (8, с. 62).

В чем причина? «Подлинная проблема – это отдаленность от интересов и забот избирателей, отчуждение политики от ее содержания» (8, с. 62).

И в этом смысле ситуация в Скандинавии мало чем отличается от других социал-демократических партий Европы, – делает вывод Хиллебранд. На несколько вопросов социал-демократии придется отвечать в будущем иначе, чем в последние двадцать лет. И один из них – долгосрочные последствия технократической политики реформ. Если она, даже будучи успешной, повлечет за собой утрату доверия и, следовательно, одобрения, то это не означает ничего хорошего и для политики, проводимой в СДПГ и нашедшей отражение в документе Агенда-2010, составленном по инициативе Шредера.

В своих размышлениях из Парижа, основанных на анализе материалов конференции о деятельности социал-демократических партий Скандинавии Хиллебранд затронул одну из ключевых проблем, которая стоит перед социал-демократией. С одной стороны, она поставлена перед необходимостью модернизировать экономику страны в условиях конкуренции с другими странами и, прежде всего, с США и Японией, но при этом ей приходится изыскивать средства для такой политики за счет сокращения социальных расходов и одновременно решать обусловленные

этой политикой социальные проблемы (как правило, связанные с сокращением занятых на новых предприятиях). Кстати, этим обстоятельством пользуются левые популисты, выдвигая зажигательные лозунги, но лишённые трезвого осмысления последствий и перспектив.

(*) Здесь и далее по тексту будут возникать проблемы с написанием тех или иных понятий. В немецком языке прилагательные пишутся с маленькой буквы, существительные с большой. Но вот типичная фраза «Wie links ist die Linke in Lateinamerika?» Здесь «links» – левая, но «Linke» – Левая как название политического движения. Полный перевод: насколько левыми являются Левые в Латинской Америке. Это же касается термина «Soziale Demokratie». В тексте это название концепции. Отсюда в переводе «Социальная демократия».

«Середина» – это тоже не просто указание места в пространстве, но обозначение определенной социальной группы. – Прим. авт.

Танцы вокруг Середины

Этот не совсем серьезный заголовок – обозначение главной темы в журнале «Нойе гезельшафт» (2008, № 5). Речь идет о двух тесно связанных друг с другом вещах – ориентация социал-демократии на середину электората и одновременно выбор некоего среднего пути, отвечающего интересам этой Середины. Вообще-то, социал-демократы «танцуют» вокруг этой темы уже порядка ста лет. И тогда, когда Эдуард Бернштейн обратил внимание на изменение социальной базы социал-демократии в самом конце XIX века (сокращение числа рабочих, рост числа служащих, малого предпринимательства), и тогда, когда после прихода большевиков к власти в России и провозглашение ими курса на строительство коммунистического общества, встал вопрос о разработке среднего пути между капитализмом и коммунизмом. Меняются обстоятельства, меняется и трактовка этого пути. В том числе теоретическое осмысление новых явлений в социальной базе.

Тон в дискуссии на эту тему задают германские социал-демократы. Как, впрочем, и в других темах, рассмотрению которых посвящены практически все номера журнала «Нойе гезельшафт» за последние годы, к обсуждению которых широко привлекаются социал-демократы других стран. Это обстоятельство позволяет и в данной работе рассматривать результаты каждой из тем состоявшихся дискуссий за 2008-ой год и за первые месяцы 2009-го года.

Но обратимся к «танцам» в майском номере журнала за 2008 год. Их «открывает» Энтони Гидденс, близкий к английским лейбористам теоретик модернизаторского толка, наряду с Томасом Майером, главным

редактором журнала «Нойе гезельшафт», один из наиболее активных деятелей европейской социал-демократии в области теории. Его статья перепечатана из майского номера итальянской газеты «Република» и носит название «Правое и левое. Отличие остается в силе» (9). Основная посылка его статьи – тот, кто завоевывает на свою сторону Середину, тот выигрывает. Гидденс обращает внимание на то, что в последнее время в Великобритании, а также в других западных странах наблюдается сближение правых и левых, по целому ряду пунктов наблюдается своего рода конвергенция. Гидденс не видит в этом ничего плохого. Почему? Потому что проблемы можно решать тогда, когда по ним достигнут общий консенсус. Когда же общество поляризуется, проблемы решать сложнее.

Так называемый «конец идеологий», вокруг которого сегодня так много шума, замечает Гидденс, на самом деле «представляет собой процесс, который начался с развития крупных политических партий в сторону конвергенции и, прежде всего, много лет назад в Соединенных Штатах. С тех пор, с одной стороны, он был ускорен деятельностью Рейгана и Тэтчер, а, с другой стороны, замедлен деятельностью Клинтона и Блэра. «В последние два десятилетия этот процесс окончательно реализовал себя» (9, с. 19).

Параллельно в индустриальных обществах наблюдался рост умеренной зоны, то есть Середины. Следовательно, любая партия желающая достичь успеха, должна проявлять себя именно в этой зоне. Это вовсе не отказ от традиций, подчеркивает Гидденс, а всего лишь учет реальности.

Но это вовсе не означает, что правые и левые уже больше не различимы. «Левые, или «Левая Середина», продолжают преследовать цели социальной справедливости, защищают социальное государство. «В вопросах морали они либеральнее и более активны в социальных вопросах, чем Правые, хотя в отдельных промежуточных темах различия могут иметь тенденцию к исчезновению» (9, с. 19).

И тем не менее, полагает Гидденс, в сегодняшней политике существует фундаментальное различие между модернизаторами и традиционалистами. Я не устаю повторять, подчеркивает Гидденс, что левым следует занять пространство постоянных инноваций. Между тем, в среде левых имеются люди, склонные консервировать порядок вещей.

Два обстоятельства отличают партииевой Середины. Первое обстоятельство – растущая пропасть между бедными и богатыми. Второе обстоятельство – необходимо поставить под общественный контроль безудержное развитие капитализма. «Если бы я был руководителем

партии Левой Середины, то прислушивался бы к мнению тех, кто придает большое значение борьбе против неравенства и против эксцессов капитализма, но с той оговоркой, что они не традиционалисты. Кризис идентичности левых, в конце концов, связан со следующим феноменом – отсутствием вдохновения, воодушевления, надежд. Примерно тех чувств, которые вызывает сегодня Барак Обама в Америке» (9, с. 20).

Заметим попутно, что исследователи, помимо левых в социал-демократии, выделяют радикальные левые партии с их ориентацией на прямую демократию, и экстремистские левые партии – сторонников внепарламентских действий и последовательной антикапиталистической борьбы (10).

Но вернемся к дискуссии в «Нойе гезельшафт». Высказывается видный политик СДПГ, министр по вопросам окружающей среды в правительстве «Большой коалиции», в свое время министр-президент в земле Нижняя Саксония Зигмар Габриэль (кстати, один из создателей журнала). Его исходная позиция: социал-демократы извлекли урок из кризиса веры в линейное развитие прогресса. «Речь идет о новой взаимосвязи принципа ответственности с принципом надежды, об экологизации техники, промышленности и экономики, о соединении экологической устойчивости с политико-социальной защищенности и справедливости. Эмансипация, эта направляющая суть левой политики, остается при этом ориентирующей силой» (11, с. 21).

В условиях рыночной глобализации нарушен баланс в самых разных областях жизнедеятельности общества. Для восстановления этого баланса не пригодна никакая другая политическая сила, нежели обновленная левая с ее созидательным потенциалом.

Чтобы восстановить этот баланс, полагает Габриэль, необходимо равновесие между экономическим ростом, способностью заглядывать в будущее и справедливостью. А это требует нового перераспределения ответственности между государством, рынком и гражданским обществом. А это, в свою очередь, требует проведения политики равновесия, в котором соединены политические основные ценности демократической Левой и интересами общественной Середины.

Из всех авторов левого спектра, продолжает Габриэль, социал-демократия существенно отличается тем, что ее политические идеи и программы направлены на практическое воплощение. В социал-демократическом проекте «то, что требуется, должно быть выполнимым, что предлагается, должно функционировать» (11, с. 22-23). На этом

основывается проект нового прогресса, за который выступает социал-демократия. Она стремится привлечь на свою сторону большинство и изменить действительность. Основная предпосылка для этого – выиграть на свою сторону политическую Середину.

Совсем по-другому оценивает политическую обстановку в Европе Вернер А. Пергер, журналист, который по поручению Фонда Фр. Эберта провел исследование по данной теме, сокращенный вариант которого публикуется в журнале под заголовком «Необходимые выводы и процессы обучения. Партийный ландшафт на переломе» (12). Пергер считает, что в результате глобализации традиционные народные партии теряют авторитет, политический центр утрачивает влияние, и наиболее активными становятся группировки на краях политического пространства – левые и правые. Пергер пытается разобраться в причинах сложившегося положения.

Одна из этих причин: в результате того, что неолиберализм понес потери в области актуальной политики, социал-демократия оказалась между двумя фронтами. Государственная реформа социальной политики, давление эмиграции и угрозы внутренней безопасности, исходящие от международного терроризма, создают беспокойство и страхи в среде наемных работников, как правило, голосующих за партии Левой Середины. Экс-коммунистические левые популисты, социал-шовинистические правые популисты используют эту ситуацию и выставляют себя как «новые партии наемных работников и как «защитники маленьких людей». Христианские демократы и консерваторы в такой обстановке надеются приобрести образ нового «консерватизма с доброжелательным обликом» и намерены извлечь выгоду из обстановки неуверенности, возникающей в среде социал-демократических избирателей.

Пергер обращает внимание не только на объективные обстоятельства, создающие трудности социал-демократии, но и на субъективные ошибки ее руководителей. Он особо выделяет просчеты политики «прагматического модернизма». Модернизаторы ограничиваются упрощенным представлением: «раз реформа проведена, – дело сделано». И, следовательно, тема исчерпана. Между тем, люди надеются в объяснении того, а что произойдет в результате такой реформы, к чему она ведет? Иными словами, они нуждаются в том, что в тексте обозначено как «повествование», «рассказ» (Erzählung). Между тем, крупные прагматики социал-демократического толка посмеиваются, когда их спрашивают о смысле реформ. Только визионер Блэр не уставал постоянно проповедовать свои представления о радикальных реформах.

Пергер ссылается на результаты конференции, которая проходила в начале апреля 2008 г. по теме «Прогрессивное управление» (Progressive Governance), на которую со всей Европы собрались главы правительств, руководители партий, профессора, советники. Главный вопрос, который обсуждался на конференции: в чем причина кризиса Левых, что делается не так политиками.

Дэвид Милибэнд, министр иностранных дел Великобритании, который, по словам Пергера, является политическим интеллектуалом, оказывающим существенное влияние на формирование политики Третьего пути, открытого Тони Блэром, в своем выступлении (13) обозначил трех «апокалиптических всадников» просматриваемых в деятельности «прогрессивных» – так он назвал социал-демократические партии умеренного толка. Первый «всадник» – возникший разрыв между правящими и управляемыми. Прогрессивные оторвались от своего базиса. Второй «всадник» – опасность проявить усталость и оказаться не современным. Прогрессивные должны, опираясь на креативные силы, восстановить контакт с обществом.

И третий «всадник» – необходимость вытеснения политики «супер-прагматизма».

На конференции много говорилось о методах наибольшей убедительности, которые должны взять на вооружение социал-демократы, чтобы их слова дошли до каждой женщины и каждого мужчины. Воутер Бос, руководитель партии голландских социал-демократов и министр финансов даже позволили себе такое высказывание: «Мы должны быть меньше академичными и больше популистами». Правда, заметил Пергер, это заявление вызвало критику.

Но тема формирования более человеческой политики продолжала обсуждаться на конференции. Вспомнили высказывание бывшего президента ФРГ Иоханнеса Рау о том, что партия должна быть «партией, проявляющей заботливость». Она не должна ограничиваться дискуссиями, но оказывать внимание к заботам граждан. Тем, что сегодня, замечает Пергер, занимаются радикальные и популистские партии, проводя политику среди граждан «от двери к двери».

Берлинский политик Рихард Менг в статье «Пусть различаются духовные сути» (14) исходит из того, что при определении сути Середины следует заново определить само содержание «левых» и «правых». Ссылаясь на модернизаторский проект, разработанный Герхардом Шредером, когда он был у власти, и получил название «Агенда 2010. Германия развивается» Менг полагает, что «философия

Агенды» в первый период правления Шредера (1998-2002) была правильной. Но в ее готовности приспособиться к основной линии экономического развития она перестала быть левой. Отсюда Менг делает вывод: «Кто намерен добиться способного к реформе большинства левой Середины в обществе, должен наглядно продемонстрировать, что существует другой, более социальный путь, нежели догоняющее по своей сути неолиберальное приспособление. Изменения, конечно же, должно быть, но также и в направлении справедливости» (14, с. 29).

Берлинский политолог Оскар Нидермайер уже в самом названии своей статьи «Размышления по поводу отмены определений Левые – Правые» обозначил свою позицию (15). Разбирая линии конфликтов, которые проходят через современное общество, и приводя, в частности, классификацию американского коллеги С.М. Липсета (классовый конфликт, конфликт между городом и деревней, конфликт между церковью и государством, конфликт между центром и периферией), Нидермайер полагает, что конкуренция между партиями в рамках европейской партийной системы не позволяет ограничиваться ориентацией на какую-либо одну линию конфликта. Между тем, в современной ФРГ политическая жизнь определена лишь двумя линиями конфликта: конфликт вокруг социального государства в области экономики и конфликт между либертарной и авторитарной системой ценностей в социокультурном пространстве.

Вывод Нидермайера: «С учетом этой проблематики в будущем следовало бы отказаться от применения понятий «левый» и «правый» при характеристике содержательной позиции партии, как бы не было тяжело расставаться со сложившимися представлениями» (15, с. 35).

Берлинская специалистка по массовым опросам Рита Мюллер-Хильмер в статье «Группируется ли избирательный народ в левом направлении» (16) приводит таблицу, в которой по 11-тибальной шкале воспроизводится оценка избирателями позиций шести партий, представленных в германском Бундестаге (ПДС, Зеленые, СДПГ, СвДП, ХДС(ХСС)). Один из выводов: «Самопозиционирование немцев, скорее, влево от Середины происходит на программном уровне, включая ренессанс «левых» позиций (16, с. 37). В целом избирательный потенциал «левых» партий (ПДС, Зеленые, СДПГ) составляет 49% против 47% у СвДП и ХДС (18, с. 38). Но при этом лишь треть избирателей СДПГ – за возможность взаимодействия с Партией Левая, действующей на базе ПДС. Вместе с тем автор обращает внимание на то, что берлинские избиратели одобрили формирование «красно-красной» коалиции в Сенате Большого Берлина (СДПГ-Левая) по двум конкретным проектам.

Окончательных выводов в статье не содержится.

Весьма своеобразно рассматривает значение Середины в германской политике Эвелин Ролль – ведущий редактор в газете «Зюддойче цайтунг» (17). Как и подобает журналистке, она приводит наглядный пример торговли на пляже мороженым при условии, что этот пляж строго поделен на правую и левую сторону, и в каждой из них свой киоск для продажи. Стремление подзаработать больше побуждает левых ближе подвигать свой киоск к середине в расчете на то, что найдутся покупатели и с правой стороны. Но в это время в левом секторе появляется разносчик мороженого с лотка, у которого покупают традиционные левые, – отдыхающие. Владельцы левого киоска нервничают и снова отодвигают его в левую сторону.

И это большая ошибка, полагает Эвелин Ролль. Причем, не только при продаже мороженого, но и в политике. Куда выгоднее оставить киоск ближе к середине, а со временем уговорить лотошника присоединиться.

Вывод Э. Ролль: «Если СДПГ сдвигается влево, то место Середины освобождается. И это тут же учитывает Ангеля Меркель – канцлерин ФРГ. Когда она выступала на съезде ХДС в декабре 2007 г., сзади нее на голубом пространстве стояло лишь одно слово – Середина. И она сказала на съезде следующее: «В Середине находимся мы, и только мы. Мы – Середина. Там, где мы, там Середина». 35 раз произнесла Меркель в своей речи на съезде это слово (17, с. 40).

По мнению Э. Ролль, сдвига в сознании немецких избирателей в левом направлении не происходит. «Статистическая Середина осталась в Середине». Она обращает внимание на то, что все благие намерения в самых разных областях прямо или косвенно связываются с Серединой. «Кто это понял, – заключает Э. Ролль, – тот выиграет выборы, намеченные на сентябрь 2009 г. К тому, кто в Середине, присоединяются. У кого Середина, тот больше продает мороженого. У кого Середина, у того и власть» (17, с. 41).

С кратким комментарием в заочной дискуссии выступил Томас Майер, фактически повторив суть высказываний редактора из «Зюддойче цайтунг» в реплике «Без Середины дела не идут» (18). Его вывод: это правда, что понятие «Середина» – это, прежде всего, миф, который в политике используют в собственных целях. Существует также социологическая и политическая Середина. Это не арифметическая величина и не политическое явление, от которого исходят импульсы. Но она – необходимое условие для формирования успешной политической концепции и для достижения успеха на выборах.

Альбрехт фон Люке, редактор журнала «Блеттер фюр дойче унд интернационале политик» в статье «Камуфляж гражданских/буржуазных прав» (19) затрагивает одну из сложностей при переводе на русский язык этого ключевого понятия. «Bürger» по-немецки – это гражданин города. Но «bürgerlich» переводится как «буржуазный». Отсюда разное наименование гражданского общества. Это или «Bürgergesellschaft» или же «Zivilgesellschaft». Чтобы уйти от возможной двусмысленности этого понятия, многие предпочитают термин «Zivilgesellschaft».

После этого лингвистического отступления перейдем к рассмотрению позиции автора.

Ссылаясь на заседание первого германского парламента во Франкфурте-на-Майне в Паульскирхе в 1848 г., после которого в законодательных органах власти по левую руку сидят социалисты и социал-демократы, ориентированные на равенство и справедливость, а по правую – силы, которые намерены защищаться от этих требований, фон Люке полагает, что этого классического разделения на правых и левых больше не существует. Почему же? Наблюдается примечательный камуфляж правых. В 1989 году представление о том, что разделение на правых и левых утрачивает значение, усилилось после известного утверждения Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории». Между тем, «Раскол на бедных и богатых драматически усиливается и, тем самым, усиливается защита сословий собственников».

По мнению фон Люке, ныне существует разное толкование понятия «Bürgerlichkeit». Есть правая гражданственность и есть левая гражданственность. Правая гражданственность включает в себя преимущественно владельцев, bourgeois. Левая гражданственность в духе общего блага не намерена отказываться ни от публичной деятельности citoyen-a, ни от социального государства как центральных достижений европейского Просвещения.

Отсюда вывод фон Люке: не следует затуманивать понятия «Середина». Понятия «левый» и «правый» следует реабилитировать. От них мы не можем отказаться с тем, чтобы выявлять категорическое различие и дать возможность избирателю сделать правильный выбор.

Тремя последующими статьями – берлинского политолога Геро Нойгебауэра о политическом содержании лево-правового пространства (20), депутата ландтага в земле Мекленбург-Померания Матиаса Бродкорба о провокационной деятельности депутатов от НДП в земельном парламенте (21) и представительницы фракции Союз-90 (Зеленые) Ани Зайферт о политической сознательности немецких солдат,

посылаемых за границу (22) завершается «танец» вокруг Середины, затеянный журналом «Нойе гезельшафт». Как видим, суждения весьма различны и сосредоточены в основном на прагматической стороне дела, как привлечь избирателей на выборах. Размышления программного характера практически отсутствуют. О перспективах развития общества в сторону демократического социализма или Общества социальной демократии речь вообще не идет. И тут возникает принципиальной важности вопрос: чем же вдохновляется на данном этапе социал-демократия с учетом долгосрочных перспектив. Обратимся к этой теме.

Примечания:

1. Dahrendorf R. Die Chancen der Krise: Über die Zukunft des Liberalismus. – Stuttgart, 1983. – 240 S.
2. Литература о социал-демократии. Указатель реферативных материалов ИНИОН АН СССР. 1983-1988. – М.: ИНИОН, 1989. – 247 с.
3. Литература о социал-демократии. Указатель реферативных материалов ИНИОН АН СССР. 1971-1983. – М.: ИНИОН, 1983. – 258 с.
4. Социал-демократия сегодня: Сб. ст. / РАН, ИНИОН. – Вып. 1. 2002. – 256 с.; «Социал-демократия сегодня». Сб. ст. / РАН, ИНИОН. – М.: 2003. Вып. 2. – 200 с.
5. Социал-демократия перед лицом глобальных проблем: Пробл.-темат. сб. / РАН, ИНИОН. – М.: 2000. – 152 с.
6. Актуальные проблемы Европы. Социал-демократия Европы в начале XXI века: Время перемен. Сб. статей / РАН, ИНИОН. Ред. сост. Мацонашвили Т.Н. – М., 2006. – 240 с.
7. Мацонашвили Татьяна: Избранное: Памятный сборник / РАН, ИНИОН. М., 2008. – 372 с.
8. Hillebrand Ernst. Die Grenzen des Skandinavischen Modells // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte-2008, N 9. – SS. 75-76.
9. Geddens Anthony. Rechts und links. Der Unterschied bleibt gültig // Neue.Ges./Frankfurter Hefte, 2008. N 5. – SS. 19-20.
10. См.: March Luke. Contemporary for Left Parties in Europe: From Marxism to the Mainstreams? // Internationale Politik und Gesellschaft, 2009, N 1, – SS. 126-143.
11. Gabriel Sigmar. Links. Politik für die Mitte // Neue Ges. Frankfurter Hefte, 2008, N 5. – SS. 21-23.
12. Perger Werner A. Lektionen und Lernprozess. Parteienlandschaft im Umbruch // Ibid. – SS.23-27.
13. Miliband D. Probleme der Politik der Progressiven // Ibid. – SS. 24-27.
14. Meng Richard, Damit die Geister sich scheiden // Ibid. – SS. 28-31.
15. Niedermayer Oskar. Plädauer für die Abschaffung der Links-Rechts-Dimension. Ibid. – SS. 32-35.
16. Müller-Hilmer Rita. Sortiert sich das Wahlvolk links? Ibid. – SS. 35-39.
17. Roll Evelyn.Die. Sachmit den Eisverkäufern. Wer die Mitte besetzt, hat die Definitionschoheit. Ibid. – SS. 39-41.
18. Meyer Thomas. Zwischenruf: Ohne Mitte geht es nicht. Ibid. – S. 42.
19. Von Luke Albrecht. Die Camouflage der bürgerlichen Rechten. Ibid. – SS. 43-45.

20. Neugebauer Gero. Politische Milieus im Links-Rechts-Raum. Ibid. – SS. 46-47.
21. Brodkorb Mathias. Provokation als Prinzip. Anderthalb Jahre NDP im Landtag von Mecklrburg-Vorpommern. Ibid. – SS. 48-50.
22. Seiffert Anja. Soldaten der Zukunft. Ibid. – SS. 51-54.

Часть 2

Демократический социализм – теория Социальной демократии – Третий путь

В 1993 году появилась возможность издать на русском языке фактически первое произведение социал-демократического автора после Второй мировой войны. Выбор пал на краткое пособие по теории демократического социализма, написанное Томасом Майером и выдержавшее в ФРГ несколько изданий (23). Вопрос возник при переводе заглавия работы «Демократический социализм – социальная демократия». Как понимать это двойное название? Автор в послесловии пояснял, что это фактически одно и то же. «В истории демократического социализма с самого начала на равных правах использовались три названия: социал-демократия, демократический социализм, социальная демократия» (23, с. 167). И далее: «Демократический социализм – это разумная утопия демократизированного общества, которое приближается к равной свободе для всех граждан». И еще одно определение: «Демократический социализм может быть осуществлен только как открытый принцип регулирования сложных систем и саморегулирования гражданского общества в духе основных ценностей – свободы, справедливости, солидарности» (23, с. 164).

Но вот в другой работе «Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI век», изданной у нас в 2000 году на русском языке (24). Т. Майер пишет о том, что в истории социал-демократии было четыре названия, которые поочередно, а зачастую одновременно обозначали один и тот же предмет: «социализм», «демократический» или «свободный» социализм»; «социальная демократия» и «социал-демократия».

И далее следует пояснение: «Понятие «социал-демократия» и «социальная демократия» наиболее полно, насколько это возможно, соединяют историческое обязательство осуществления внутренней непрерывной связи между демократией и социальной справедливостью; поэтому в настоящее время эти понятия в меньшей степени подвержены неверному пониманию, не правильному истолкованию и злоупотреблению, нежели входящие в понятийную группу «социализм» (24, с. 13-14).

Что означает это разнообразие названий ключевой идеи? Ведь речь идет не просто об игре понятий. Как отражается это на притягательности перспектив социал-демократии? На возможности воодушевления ее сторонников? Есть смысл кратко рассмотреть эволюцию социал-демократической идеи.

В начале 70-х годов теперь уже прошлого века в Европе сложилась ситуация, когда в трех странах правительства возглавили социал-демократы: в ФРГ Вили Брандт, в Швеции – Улоф Пальме, в Австрии – Бруно Крайский. Они давно знали друг друга, в ходе правительственной деятельности обменивались мнениями по вопросам практики, но также и по вопросам теории. Их переписка была издана отдельной книгой, и по сей день представляет собой красноречивый пример интеллектуального уровня европейских политиков того времени (25).

В ходе переписки, естественно, встал вопрос о том, в каком обществе действуют эти социал-демократы, и какие перспективы видят перед собой в рамках социал-демократической концепции социализма. И вот один из них – Улоф Пальме – заметил, что вообще-то в мире очень много социализмов, и лично он сам насчитал более семидесяти вариантов.

Откуда такое разнообразие? Что за этим стоит? Попробуем эти варианты социализмов сгруппировать, ориентируясь при этом на историческое развитие идеи социализма.

Прежде всего это различные варианты утопического социализма – от Томаса Мора до Кампанеллы. Заметим при этом, что именно Европа была колыбелью социалистической идеи.

Далее следуют попытки осмыслить социализм в научном плане. И это касается прежде всего марксистской теории социализма и коммунизма.

Следующий этап – реформистский социализм и его разветвления: демократический социализм, либеральный социализм, этический социализм.

После крушения сложившейся системы в СССР и странах Восточной Европы социал-демократы стали предпочитать говорить об обществе социальной демократии, имея в виду, что идея социализма была дискредитирована попытками строительства такого общества в Советском Союзе.

Тем не менее, в мире есть страны, руководство которых рассматривает свое общество как социалистическое. Это прежде всего Китай, Вьетнам, Куба, Северная Корея. О намерении строить социализм говорит президент Венесуэлы Уго Чавес.

Как сориентироваться во всем этой разнообразии? Актуальна ли идея социализма в наше время?

Для начала разберемся в том, какой основной признак присущ многочисленным вариантам социализма? Это идея социальной справедливости. Практически она проходит через всю человеческую историю и будет востребована человечеством в своем дальнейшем существовании. Наиболее наглядный документ прошлого – это Нагорная проповедь Христа. Не случайно Христа называли первым социалистом.

Обратим внимание на то, что требование социальной справедливости, потребность в социальной справедливости – это нравственное побуждение, реализуемое в экономической, правовой, политической сферах деятельности человека и общества.

При этом в недавней истории были опробованы два основных способа реализации социальной справедливости – революционное и постепенное, путем последовательных целенаправленных изменений с помощью реформ.

Типичным образцом революционного подхода к решению этой проблемы является система марксистских взглядов. В центре этой системы – освобождение трудящегося человека от гнета эксплуатации, существующей при капитализме, путем революционного преобразования общества, обобществления орудий и средств производства, установления власти трудящихся в виде диктатуры пролетариата. Маркс и Энгельс претендовали на то, что они распознали законы общественного развития. Они исходили из того, что в ходе естественно-исторического процесса социализм со всей неизбежностью придет на смену капитализму, когда общественные отношения вступят в полное противоречие с состоянием производительных сил. Система этих взглядов обществоведы в СССР рассматривали как научный социализм с соответствующим учетом размышлений Ленина. Было принято считать, что концепция научного социализма вытекает из марксистско-ленинского учения.

На систему марксистских взглядов опирались социал-демократы на родине Маркса и Энгельса, что нашло отражение в их партийной программе, принятой в Эрфурте в 1891 г. Однако после того, как некоторые прогнозы Маркса не подтверждались реальной жизнью (нарастающее относительное и абсолютное обнищание рабочего класса при капитализме, нарастающая пролетаризация масс), они, не отказываясь от марксистского анализа, постепенно перешли на реформистские позиции. А когда социал-демократы увидели, во что превращается социалистический эксперимент в советской России, где

вместо диктатуры трудящихся была установлена диктатура группы лиц во главе партии, построенной на строго централизаторских началах, они укрепились в мысли, что настоящий социализм может быть построен только в условиях всеобщей, а не узкопролетарской демократии. Отсюда – демократический социализм.

Заметим, что примерно в это время социал-демократические партии раскололись практически во всех странах Европы, из них вышли коммунисты, руководимые Коммунистическим интернационалом, штаб-квартира которого обосновалась в Москве.

Весьма существенно, что опыт огосударствления, проводившийся большевиками в России, подтолкнул социал-демократов к мысли, что социализм должен быть не только демократическим (демократию можно истолковывать по-разному), но и освобожденным от главного сформулированного марксистского требования: обобществление как условие существования социалистического общества. Уже после Второй мировой войны размышляя над планово-государственной деятельностью и в Советском Союзе, и в нацистской Германии в мировоззренческих позициях произошел, как тогда говорили, переворот коперниканского масштаба. Социализм стал рассматриваться как постоянный и непрерывный процесс реализации основных ценностей социал-демократии. Это – свобода, справедливость, солидарность.

Наиболее полное отражение этот подход нашел в Годесбергской программе германских социал-демократов, принятой в 1959 г. (26). «Конкуренция – насколько возможно – обобществление, насколько» необходимо, этот принцип открывал возможности для реализации социал-демократических ценностей и в рамках существующего общественного строя. Позже этот подход станет общим правилом для организаций, вступающих в Социалистический Интернационал.

Однако со временем обнаруживалось, что различные партии социал-демократической ориентации в Европе, провозглашая приверженность основным ценностям социал-демократии, уходили от необходимости увязывать его с понятием «демократический социализм». Это наглядно проявилось в деятельности австрийских социал-демократов, располагающих давними теоретическими традициями и, в частности, в свое время разработавшими концепцию австромарксизма. В программе, принятой в 1998 году, они записали в первом разделе: Новые вызовы – новые подходы к решению проблем: «Мы, социал-демократки и социал-демократы, чувствуем себя связанными с идеалом гуманного, демократического и справедливого общества». Что же это за идеал? «Мы

стремимся к обществу, в котором преодолены классовые противоречия, в котором проблемы мирно разрешаются и в котором человеческая личность может развивать свои способности, будучи освобожденными от страха и нужды» (27).

В каком-то смысле это косвенная переключка с известным положением из «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Но ни о каком социализме речь не идет. Во втором разделе «Принципы социал-демократок и социал-демократов», рассматриваются основные ценности социал-демократии (и, кстати, наряду с ценностью «справедливость» в список ценностей включена ценность «равенство»). Австрийские социал-демократы в этом разделе «стремятся к обществу, в котором человеческая личность может себя развить» (27).

Но вот шведские социал-демократы, у которых практического и государственного опыта побольше, о чем речь шла выше, в своей программе, принятой в 1990 г., записали: «Социал-демократия хочет, чтобы всему общественному устройству и человеческим взаимоотношениям были присущи идеалы демократии, что дало бы каждому жить богатой и осмысленной жизнью». И чуть ниже «такая концепция общества, присущая демократическому социализму, выражение воли к воплощению идей о свободе, равенстве и солидарности» (28).

Один из самых последних по времени документов европейской социал-демократии – Социал-демократической партии Швейцарии, принятой в 2008 г. (29), начинается с раздела «Демократический социализм во времена глобализации». В нем записано: «У глобализации много лиц – также и левое. Возникает вопрос, о какой глобализации мы ведем речь: о глобализации тех, кто эксплуатирует человека и природу или о глобализации солидарности». И в конце этого раздела – вопросы: «Неолиберализм есть ничто иное как безудержный, проявляющий свою очевидную сущность капитализм. Удастся ли социал-демократам обуздать этот капитализм или преодолеть в его сути? Может ли экономическая власть в смысле ранее принятых партийных программ вообще поддаваться контролю и демократизироваться? Что было в результате выиграно тем самым для социальной справедливости в национальном, но также глобальном масштабе и для экологической устойчивости?

Последний раздел посвящен изменению в системе ценностей, в том числе в буржуазной среде, которая проводит «классовую борьбу

сверху», опираясь на неолиберальную идеологию. Об идеалах демократического социализма в программе речь не идет.

Но как этот вопрос рассматривается в последней программе СДПГ, принятой в октябре 2007 г. в Гамбурге, если учесть, что ее принятию предшествовала дискуссия относительно того, надо ли обращаться вообще к тематике «демократического социализма» (30).

Лишь во втором разделе программы, в котором разбираются основные ценности социал-демократии, вставлен небольшой текст, озаглавленный «Демократический социализм». Вот его содержание: «Наша история отмечена воздействием идеи демократического социализма общества свободных и равных, в которых осуществляются наши основные ценности. Эта идея требует такого экономического, государственного и общественного строя, в котором для всех людей гарантированы основные гражданские, политические, социальные и экономические права, и все люди могут вести жизнь без эксплуатации, угнетения и насилия, т.е. в условиях социальной и человеческой безопасности.

Конец государственного социализма советского типа не опроверг идеи демократического социализма, а наглядным образом подтвердил ориентацию социал-демократии на основные ценности. Демократический социализм остается для нас представлением о свободном, справедливом, солидарном обществе, осуществление которого является для нас постоянной задачей. Принципом нашего действия является социальная демократия».

Далее в программе следует текст, озаглавленный «Политика социальной демократии». Этот текст завершается следующим пассажем: «Социальная демократия гарантирует не только основные гражданские, политические и культурные, но, равным образом, и социальные, и экономические права всех людей. Она обеспечивает равноправное социальное участие всех посредством демократизации общества, прежде всего участия в управлении, с помощью проявляющего заботу социального государства и координированной рыночной экономики, в которой гарантируется преимущество демократии перед рынком».

В этих двух, на первый взгляд, примерно одинаковых текстах содержится скрытый спор относительно того, к какому обществу стремятся социал-демократы – к обществу демократического социализма «без эксплуатации, угнетения и насилия», либо к обществу социальной демократии, в котором рыночная экономика и демократия взаимодействуют друг с другом. По большому счету, речь идет о формировании более четких перспектив социал-демократии в эпоху

глобализации, о способности дать ответ на ее проблемы со стороны социал-демократии.

Томас Майер, с работы которого мы начали этот раздел, все эти годы уделял разработке проблем, связанных со вторым термином, упомянутым через тире в заголовке его учебного пособия, то есть с «социальной демократией». Результат его нынешних усилий – обоснование теории Социальной демократии*, изложенной в двух объемных томах (31, 32). О чем идет речь? Обратим внимание на главное, учитывая при этом, что имеем дело со сложным изложением темы, да еще в немецкой политологической и философской традиции.

* И здесь снова обозначенная тенденция. Прилагательное «социальная» автором употребляется с большой буквы как название концепции – Социальная демократия. – Прим. авт.

Понятие «Социальная демократия», поясняет Майер, с самого начала играло центральную роль в австрийской и германской социал-демократии. Но как ключевое понятие в партийных программах оно не присутствовало. Партии были названы социалистическими или социал-демократическими. До 1990-х годов термин «Социальная демократия» играл подчиненную роль, он появлялся только в научных кругах социал-демократических партий. Но вот в Восточной Европе произошли трансформационные процессы, и традиционное понятие «демократический социализм» стали применять бывшие коммунистические партии. В то же время во французской и испанской сфере деятельности продолжали придерживаться термина «социализм». А вот в английском пространстве по грамматическим причинам невозможно разделение понятий «социал-демократия» и «Социальная демократия».

Отсюда вывод Майера: «О прочно укоренившейся связи социал-демократических партий с политическим основным понятием Социальная демократия в историческом плане можно говорить лишь условно. Хотя тенденция к восприятию этого понятия очевидна, во всяком случае, когда речь идет о программном осмыслении происходящего» (31, с. 24).

Т. Майер выделяет три аспекта Социальной демократии: научно-теоретический, государственно-правовой и партийный. Их следует рассматривать в тесной взаимосвязи, учитывая, что речь идет более широко, нежели чем о социальном государстве. Анализу необходимо подвергнуть девять основных областей общества: политическая система, система основных прав, система политической публичности, политическая культура, гражданское общество, отдельные системы общественной демократизации, политическая культура, гражданское

общество, политическая экономия, система образования, транснациональные корпорации.

Такая вот сложная теоретическая конструкция. В конце первого тома Т. Майер поясняет: «Социальная демократия – это проект для отдельных обществ, для региональных сообществ и для глобального порядка» (31, с. 591). И в другом месте «Теорию Социальной демократии следует разрабатывать как теорию действий для глобальной политической арены» (31, с. 27).

По существу, замечает Майер, речь идет о «новом ревизионизме» (31, с. 571). Автором первого «ревизионизма» был, как известно, Бернштейн, когда поставил вопрос о возможности отстаивания прав наемных работников в рамках существующего общественного строя с помощью реформ. В чем суть нового ревизионизма? Пояснение Майера в начале книги: «Представленный здесь проект теории следует рассматривать как систематическое и всеохватывающее развитие и обоснование притязания Социальной демократии на возможность доминирующего влияния в столкновении с позициями ее либертарной альтернативы в нормативном, теоретическом и практическом аспектах» (31, с. 5).

Понятно, что для обычного читателя постижение этой мудрости сопряжено с определенными трудностями. Это, видимо, учитывал Т. Майер, когда под влиянием его идеи Тобиас Комберг и другие выпустили учебное пособие «Основы Социальной демократии» в рамках Фонда Фр. Эберта и Академии Социальной демократии (33).

Четвертый раздел пособия посвящен теории Томаса Майера.

В нем дается такое объяснение: «Понятие Социальной демократии отличается от других мыслительных моделей (Denkmodelle) и настолько дифференцирован, что для его объяснения ссылка на основные ценности свободы, равенства и солидарности с целью реализации справедливого общества также недостаточна, как и указание на либерализм, консерватизм и социализм» (33, с. 86).

В понятии содержится существенное нормативное ядро: на какие общие правила и нормы нам следует опираться, когда речь идет об осуществлении Социальной демократии.

И еще одно пояснение: для теории Социальной демократии должна быть найдена специфическая нормативная основа в качестве исходного пункта.

Какой из этого возможен практический вывод? «Социальная демократия как мыслительная модель и социал-демократия как

политическая партия (или течение) содержит ряд пересекающихся пунктов, но они не идентичны. В качестве мыслительной модели Социальная демократия должна претендовать на то, чтобы на научной основе обоснованно исследовать нормы и ценности, их перевод в основные права и их реализацию в различных странах и обстоятельно обосновать. В какой степени эти представления воспринимают политические партии, – это уже другой вопрос» (33, с. 88).

Далее исследуется взаимосвязь между демократическими традициями и рыночными отношениями в конкретных странах, в частности, в Швеции, Великобритании, Германии.

В заключение в пособии содержится следующий вывод: «В этом томе показано, что Социальная демократия не может восприниматься в завершенном виде ни как мыслительная модель, ни как политическая задача. Напротив, путь Социальной демократии как идеи и как политической деятельности должен постоянно подвергаться проверке, приспособлению и осмыслению заново с расчетом на его возможное осуществление».

В чем же все-таки ревизионизм теории Томаса Майера? Как представляется, в развертывании широкой дискуссии в социал-демократической среде и за ее пределами с упором на возможность рассматривать совокупность проблем в самых разных областях общественного бытия, обусловленных нарастающей глобализацией. Не случайно в пособии подчеркивается: один из главных вызовов последующих лет и десятилетий – формирование глобализации (33, с. 145).

В отличие от концепции «демократического социализма», которая, в основном, предстает как общий воодушевляющий ориентир, призванный выразить социал-демократическую идентичность, теория Социальной демократии представляет собой попытку профессионально аргументированного анализа совокупности проблем, с которыми сталкивается и еще будет сталкиваться современное человечество.

Но если считать ревизионистом в социал-демократии Томаса Майера, через сто лет продолжившего традицию Эдуарда Бернштейна с его установкой «движение – все», то куда более «крутыми» ревизионистами, если употребить лексику современной молодежи, могут рассматриваться Герхард Шредер и Тони Блэр. Будучи разными по характеру – один прагматик, другой визионер, – они, возглавив в самом конце XX столетия правительства в своих странах и имея своими предшественниками Маргарет Тэтчер и Гельмута Коля, они принялись решать стоящие перед

ними проблемы на практическом уровне и, одновременно опираясь на суждения советников, попытались обосновать теоретическую базу своей деятельности.

Их совместный документ, названный «Третий путь – Новая Середина» был опубликован сначала в Лондоне в 1999 году, а затем и в Берлине (34).

Главное содержание документа – призыв к пересмотру традиционной социал-демократической политики, к обновлению роли государства и содержания социального государства, к более эффективной рыночной экономике, к поддержке всех групп, участвующих в этом процессе, включая и предпринимателей. Ссылаясь на то, что социал-демократы находятся в правительствах почти всех стран Европейского Союза, авторы документа пишут: «Социал-демократия вновь обрела признание, но только по той причине, что, сохраняя свои традиционные ценности, она приступила к заслуживающему доверия обновлению проектов будущего и к модернизации своих программ».

С точки зрения авторов документа, большинство людей уже больше не придерживаются догмы разделения на «левых» и «правых». Социал-демократы должны быть способными говорить с этими людьми.

Заметим, что понятие «социалистический» «Демократический социализм» в тексте отсутствуют. Стратегия документа определена в следующем абзаце: «Нам приходится проводить нашу политику в новых, соответствующих сегодняшнему состоянию экономических условиях, при которых государство всеми силами способствует развитию сил экономики, но не считает, что может их заменить. Политика должна улучшать регулирующую функцию рынков, но не мешать их функционированию. Мы поддерживаем рыночную экономику, а не рыночное общество».

Деловой подход документа выражен в следующей формулировке: В этом постоянно изменяющемся мире люди хотят, чтобы политики подходили к решению вопросов без идеологических предрассудков и искали, исходя из своих ценностей и принципов, практические решения проблем с помощью искренней, хорошо продуманной прагматичной политики.

Документ призывает все общественные группы взять на себя совместную ответственность за развитие благосостояния. «В этой связи в Германии, – отмечается в документе, – новое социал-демократическое правительство сразу же после того, как приступило к выполнению своих обязанностей, пригласило собраться за одним столом в рамках «Союз ради труда, обновления и справедливости» представителей политических

кругов, экономики и профсоюзных деятелей для обсуждения проблем, труда профессионального обучения и конкурентоспособности».

При общей терпимости в социал-демократической среде к различным взглядам этот документ был принят в штыки. И в Лейбористской партии, в СДПГ, а затем и в других европейских партиях социал-демократической ориентации. Более того, произошло неслыханное. Пост председателя СДПГ покинул ее председатель Оскар Лафонтен. Причины ухода были разные. Но одна из них – документ Блэра – Шредера.

Томас Майер, прислав в Москву свое послесловие к издаваемой им книге «Трансформация социал-демократии» так объяснил возникшую ситуацию: «Программное обновление европейской социал-демократии, которое началось в конце 90-х годов, председатель британской Лейбористской партии Тони Блэр назвал «Третьим путем». Германская социал-демократия к своей избирательной кампании 1998 г. выбрала пароль «Новая Середина». Судя по состоянию дискуссии на конец столетия, между отдельными социал-демократическими партиями в Европе выявились существенные различия в акцентах при их попытках найти новые ответы на проблемы, которые формулируются преимущественно в согласии этих партий друг с другом. В этом одна из причин, по которым «Третий путь», отождествляемый многими с позицией британской Лейбористской партии, на нашел общего признания в других партиях и в Социалистическом Интернационале. Более того, выявилось, что европейские социал-демократические партии в соответствии с их различными традициями, разными политическими культурами, различным состоянием проблем в их странах и с учетом положения самих партий развивают собственные «третьи пути» (24, с. 277). Эти проекты совпадают в том, что касаются основных ценностей и общего направления в попытках нахождения ответов, однако в том, что касается инструментария, расстановки акцентов и деталей программ, проявляются заметные различия констатировал Т. Майер.

Чтобы смягчить возникшую кризисную ситуацию и более обстоятельно разъяснить позицию в документе Блэра-Шредера, Энтони Гидденс 26 апреля 2001 г. выступил в Доме Вилли Брандта в Берлине с докладом «Социальная справедливость в программной дискуссии европейской социал-демократии» (35). Его основной тезис: главная проблема для нас – как удовлетворить требование социальной справедливости в период фундаментальных перемен. С помощью устаревших политических подходов достигнуть ее уже нельзя. Обосновав эти подходы, объединенные общим понятием «модернизация», Гидденс так завершил свой доклад: «Для меня очень важно, что мы создаем новый

левоцентристский консенсус в современных обществах. Тони Блэр говорил о предстоящем радикальном столетии, прогрессивном столетии. Давайте работать вместе, чтобы сделать эту мечту реальностью.

Этот левоцентристский консенсус выстраивался с трудом. В 2005 г. ушел со своего поста председателя партии Шредер. Преждевременно покинул пост председателя партии и Блэр. Казалось, их инициатива оказалась скомканной как их политическая карьера. Но вот в 2008 году они выступили с новым совместным документом, назвав его «Путь вперед для социал-демократов Европы» (36). Констатируя, что социал-демократы находятся у власти почти во всех странах Европы, они объясняют это тем, что социал-демократия «выступает не только за социальную справедливость, но и за более динамичную экономику, а также за высвобождение творческих сил и инновацию, что подтверждает появление «Нового центра» в Германии, «Третьего пути» в Соединенном Королевстве. Социал-демократы выбирают иные обозначения, соответствующие их собственной политической культуре. Пусть языки и организации отличаются друг от друга: мотивация одна. Большинство людей давно уже не придерживаются догмы разделения на «левых» и «правых». Социал-демократы должны говорить на языке этих людей».

Как видим, это, в основном, повторение позиции документа 1999 г. Но высказан ряд новых положений. Наиболее важные из них:

- Мы поддерживаем рыночное хозяйство, но не рыночное общество.
- Каждому индивиду должна быть предоставлена возможность для развития его собственного потенциала.
- Социальная справедливость не может измеряться величиной государственных расходов.
- Важнейшая задача модернизации – инвестировать в человеческий капитал.
- Одно-единственное место работы на всю жизнь – в прошлом.
- Государство должно превращаться из гребца в рулевого: меньше контролировать и больше формулировать задачи.
- Властные полномочия следует делегировать на как можно более низкий уровень.
- Следует способствовать подъему и духу нового предпринимательства.
- Следует ценить творческое начало во всех областях жизни.

Возражая против деления на «левых» и «правых», Блэр и Шредер третий раздел своего документа назвали «Новая программа левых, ориентированная на предложение». В нем еще не учитываются последствия наступившего мирового кризиса. Главный посыл: мы хотим не устранить, а модернизировать социальное государство. Европейские социал-демократы должны разработать с учетом этого обстоятельства совместный план действий.

Обращено особое внимание на средний класс. «Создание процветающего среднего класса должно стать важным приоритетом для современных социал-демократов. Здесь заложен огромный потенциал продолжения роста и создания рабочих мест в наукоемком обществе будущего».

Далее следует развернутая программа конкретных предложений в области экономики. Завершается документ следующим пояснением: «Цель этого заявления состоит в том, чтобы дать импульсы к модернизации. Мы призываем всех социал-демократов в Европе не упустить этот исторический шанс обновления. Многообразие наших идей является нашим величайшим капиталом для будущего. Общества в наших странах ожидают, что мы объединим наш многосторонний опыт в новую концепцию».

Но до «новой концепции» дело не дошло. Буквально в том же, 2008 году, на Европу свалился мировой кризис, и социал-демократам пришлось искать ответы на то, что же произошло, почему, и как выходить из создавшегося положения.

Один из главных вопросов – судьба капитализма.

Что будет с капитализмом после кризиса капитализма?

Разразившийся кризис побудил к более глубокому осмыслению той экономической системы, в рамках которой и произошли эти кризисные процессы, причем в таком направлении, что даже опытные эксперты затруднились определить, каковы будут последствия этого кризиса, кончится ли он, а если кончится, то когда. Одним словом, общества с рыночной экономикой столкнулись с явлением, точного объяснения которому не нашлось даже у самых опытных специалистов в области экономики.

В такой ситуации возникли самые различные интерпретации происшедшего. Часть публики обратилась к «Капиталу» Маркса, чтобы найти соответствующее объяснение у него. В левых кругах стала обсуждаться точка зрения, согласно которой капитализм уже давно

исчерпал себя, разразившийся кризис – наглядное тому подтверждение, и на смену ему придет новая, социалистическая экономическая система. Слово «социализм» запестрело на обложках американских журналов, усиленное вмешательство государства в экономические процессы стало трактоваться как проявление социализма.

Все это самым непосредственным образом касалось и социал-демократии. На данную тему появились многочисленные комментарии. А вот германские социал-демократы один из номеров журнала «Нойе гезельшафт» (сентябрь 2008 г.) специально посвятили происшедшему. Их основная позиция была уже обозначена на обложке журнала «Новый капитализм». Главный редактор журнала Томас Майер в кратком вступлении пояснил, почему так названа журнальная тема дискуссии. Весьма спорно, заметил Майер, что, собственно говоря, является новым в капитализме, а что – старым. Финансовые рынки во все времена играли значительную роль. Но сегодня они поступают более глобально, более рискованно, прибегая к сомнительным инструментам. При этом особенно пострадал Рейнский капитализм, этот бастион социально ориентированных европейцев против американского капитализма. Возникли новые неясности и новые неравенства. «Непроизвольно нам приходят на ум основные положения марксовской критики капитализма, когда мы пытаемся описать нынешнюю действительность. Но из этого ничего не выходит для практики, появился только «кусающийся популизм». Разрушена ли власть социального государства и политического регулирования над рынком? Или мы находимся в состоянии запоздалого процесса модернизации? Как быть со всем этим? Наши авторы, как всегда ориентированные на поиск реальных действий, пытаются найти ответы на эти вопросы (37, с. 1).

Первым по порядку размещения статей в журнале представлен Тило Саррацин, сенатор по вопросам финансов в магистрате Берлина. Его позиция обозначена в заголовке: «Новый капитализм – это старый» (38). Сверхкризис в США вызвал различные толкования, замечает он. Но ведь кризисное состояние является составной частью капитализма. И этот новый кризис путем попыток нового регулирования не будет преодолен, а только отложен на более поздние времена.

Саррацин поясняет свою точку зрения: легкие кризисы происходят каждый 20-30 лет, тяжелые – каждые 40-60 лет. Этими кризисами сопровождается развитие капитализма вот уже 350 лет (начиная с «тюльпанового кризиса» в Голландии), и то же самое будет происходить в будущем.

В нынешнем кризисе Германия находится в относительно более благоприятном состоянии. Еще недавно с озабоченностью полагали, что отсутствие крупного финансового центра в стране ей не на пользу. Нас критиковали за то, что мы слишком много производим и мало занимаемся финансовой деятельностью. Сегодня мир выглядит совершенно по-другому. Деньги идут от тех, кто потребляет (США), к тем, кто производит (Германия). А это значит, что у Германии есть возможности лучше справиться с кризисом.

Густав А. Хорн – директор института макроэкономики и исследования конъюнктуры в Фонде Ханса Бёклера – исходит из того, что возник новый финансово-рыночный капитализм (39).

По его мнению, «Германия как большое акционерное общество приказало долго жить». Благодаря налоговым послаблениям последнего времени деятельность предприятий определяют финансово-рыночные инвесторы, которые действуют по финансово-рыночным критериям, в основе которых не рост производства, а рост курса акций. Все это произвело в Германии своего рода культурный экономический шок, но это реальность, от которой никуда не уйти.

Вывод Хорна: Новый финансово-рыночный капитализм, несмотря на кризисные тенденции, утвердился в реальности, и остается спорным, изменилось ли что-либо, если бы произошло возвращение к консервативной банковской системе. Народному хозяйству не остается ничего другого, как учиться обхождению с новым финансово-рыночным капитализмом, причем таким образом, чтобы он шел на пользу не немногим, а всему народному хозяйству (39, с. 24).

Мартин Хепнер – приват-доцент и научный сотрудник в Кельнском институте имени Макса Планка по исследованию общества – также полагает, что в Рейнском капитализме финансовый рынок достаточно прочно утвердился. Причем он не свалился откуда-то сверху, а явился продуктом определенных реформ, проводившихся как христианскими демократами, так и социал-демократами. «Рейнский капитализм одновременно был схвачен клещами с двух сторон: экономическими либералами и политиками Левой Середины» (40, с. 26). Отсюда и название статьи Хепнера «Социал-демократические корни». Исходя из основной позиции социал-демократов, направленной на защиту мелких акционеров как основной части наемных работников Хепнер предлагает ряд мер, благодаря которым также и при финансово-рыночном капитализме должны быть защищены права и интересы предприятий, зарегистрированных в Германии.

Принять участие в дискуссии о судьбах капитализма журнал «Нойе гезельшафт» пригласил своеобразного гостя, видного деятеля христианской демократии, премьер-министра земли Северный Рейн-Вестфалия – этой самой крупной земли в ФРГ (промышленное «сердце» Рура), который сменил на этом посту Йоханнеса Рау, который много лет со своей социал-демократической командой управлял этим регионом горняков и металлургов. Предоставляя слово Юргену Риттгерсу, журнал в водке к его статье заметил, что по своим взглядам он стоит на позициях более левых, чем иные модернизаторы, – социал-демократы. Об этом, кстати, свидетельствует и название статьи «За социальную рыночную экономику – против турбокапитализма» (41).

Юрген Риттгерс привел в начале статьи высказывание председателя правления акционерного общества Аксель Шпрингер Матиаса Депфнера, согласно которому, англо-американская модель доказала свои преимущества. Риттгерс согласен. У американской экономической системы большие успехи, но времена меняются также и для США. Риттгерс приводит высказывание другого американца – Билла Гейтса – на мировом экономическом форуме в Давосе в начале 2008 г., который призвал к деятельности «креативный капитализм», который должен ориентироваться не только на прибыль» (41, с. 29).

И еще одна ссылка. На Роберта Райха, который в своей книге констатировал смену «демократического капитализма» «суперкапитализмом». При таком капитализме граждане приобрели больше влияния как потребители, но утратили при этом возможности как владельцы демократических прав влиять на созидательные процессы.

Риттгерс касается и ситуации в Китае. Некоторые полагают, что практикуемый там авторитарный капитализм, возможно, более успешен, нежели мучительный путь демократических согласований и компромиссов при обычном капитализме. Иные при этом даже полагают, что Германия «в мировой войне за благосостояние» уже давно проиграла Китаю. Риттгерс с этим не согласен. В Китае вместе с экономическим ростом наблюдается рост неравенства. Это особенно касается 150-ти миллионов временных рабочих, которым в значительной степени и обязан Китай своим успехом. Но это все до поры, до времени. Общественные структуры находятся в состоянии напряженности. Политический кризис в Китае – это вопрос только времени.

Устойчивая слаженность общества – это самый важный тест на прочность системы и ее будущего, подчеркивает Риттгерс. Как раз в этом обстоятельстве сила Европы. «Европейская модель связывает только ей

присущим образом экономический строй с солидарным общественным строем. Именно этой связке принадлежит будущее. Я убежден: ни неолиберальный рыночный капитализм американского образца, ни государственный капитализм китайского образца не смогут быть успешными» (41, с. 29).

Почему? Да потому, что они оплачивают экономический успех слишком высокой социальной ценой. И эта цена в будущем станет еще более ощутимой. Все больше людей во всем мире требуют капитализма с человеческим лицом. Заметим, что все это говорит один из влиятельных деятелей ХДС, реально управляющий в одном из самых крупных регионов Германии.

Риттгерс обращает внимание на то, что турбокапитализм игнорирует такую взаимосвязь, и в этом его коренной порок. Активная производительная деятельность должна сопровождаться сохранением рабочих мест и соответствующим вознаграждением. Когда этого не происходит, тогда социальная справедливость поставлена под угрозу. Риттгерс приводит данные опроса, приведенные фондом Бертельсман (Социальная справедливость в Германии в 2007 г.). Лишь 15 процентов немцев полагают, что с этой точки зрения в стране все относительно в норме (41, с. 39). Вывод: нам следует укреплять социальную рыночную экономику и защищать ее от турбокапитализма.

Наступивший финансовый кризис, полагает Риттгерс, показал, что глобализация не функционирует без наличия определенных правил, определяемых политиками и легитимизируемых демократически. Должно быть больше прозрачности в деятельности банков, в рыночном производстве, в стратегии новых государственных фондов. Одной Германии добиться этого в глобализующихся рынках будет не по силам. Свою существенную роль должен сыграть Европейский Союз.

Разбирая далее подробно вопросы, связанные с политикой заработной платы и пенсионного обеспечения, Риттгерс снова обращается к перспективам экономической деятельности Германии. Сильной стороной Германии всегда было то, что она была «промышленной мастерской». Сегодня некоторые полагают, что она должна стать больше страной, ориентированной на услуги. Это ошибочная точка зрения. В эпоху общества знания должна существовать тесная связь между промышленным производством и инновациями. «Здесь покоится наша сила. Здесь мы должны быть инновативными. Это должна поддержать политика».

Вывод Риттгерса: сегодня мы должны бороться за ценности и правила деятельности социальной рыночной экономики. Мы должны понимать: в эпоху глобальных рынков экономическая политика – это одновременно и социальная политика, и наоборот» (41, с. 32). Политическая и экономическая элита Германии осознает это не в полной мере. Она все еще отклоняет защитные механизмы против турбокапитализма. Но речь идет не о протекционизме. Речь идет о том, что мы вступаем в борьбу за социальную рыночную экономику, – завершает свою статью видный христианский демократ Риттгерс.

Уже знакомый нам Альбрехт фон Люке, редактор журнала «Блеттер фюр ди дойче унд интернационале политик» в статье «Утрата контроля и угроза, исходящая от самих себя (42), обращает внимание на то, что в конкуренции в собственной стране или с авторитарными странами, такими, как Россия или Китай, германская промышленность рассматривает демократию и правовую государственность как мешающий фактор как по отношению к собственным служащим, так и по отношению к конкурентам на рынке.

Фон Люке приводит высказывание Хельмута Шмидта, который на выборах 1976 г., будучи канцлером, так определил «модель Германии» – труд, капитал, земля, но также и социальный мир в их тесной взаимосвязи. Сегодня, замечает фон Люке, экономика в возрастающей степени отходит от этого мира. Она все в меньшей степени испытывает чувство ответственности как перед обществом, так и перед собственными наемными работниками.

Фон Люке обращает внимание и на такое явление, как культура коррупционности. В качестве примера он приводит деятельность концерна Сименс, который создал целую коррупционную сеть как на всех предприятиях концерна, так и на глобальном рынке. Предприниматели оправдываются тем, что, мол, они поступают так не ради собственной выгоды, а в интересах концерна (и, соответственно, страны).

Примерно на это ссылался и канцлер Коль, когда отказывался назвать фирмы, которые жертвовали в казну его партии.

Фон Люке ссылается на Эрхарда Эпплера, который предостерегал от опасности развития в сторону «рыночного государства». В национальных масштабах это означает усиление влияния экономики за счет постоянного сокращения соучастия на предприятиях и нарастающего ослабления влияния профсоюзов.

Фон Люке называет два основных обстоятельства, при которых ослабевает контроль общества за деятельностью экономики. Это, во-

первых, нарастающее ослабление влияния граждан на политический контроль и их согласие на публичное использование их данных (особенно в Интернете). И второе: целенаправленная деятельность экономики, направленная на получение доступа к этим данным. Вывод фон Люке: «Эти два фактора, нарастающее отсутствие интереса граждан и интерес экономики в установлении собственного контроля влияют друг на друга и представляют собой массивный вызов демократии» (42, с. 41). Отсюда возникает ключевой вопрос: в состоянии ли Берлинская республика сплотить силы для обороны против этих опасных тенденций.

Эльмар Альфатер представлен в журнале как многолетний профессор политических наук в Свободном университете Берлина, автор многочисленных публикаций по проблемам финансовых рынков, проблемам окружающей среды и будущего европейской интеграции. Название статьи «Регулировать глобальный капитализм» (43) отражает его позицию в развернувшейся дискуссии. Касаясь вкратце истории развития отношений капитализма и государства, он делает такой вывод: «Речь идет не о том, можно ли регулировать глобальный капитализм, а о том, что его следует регулировать» (43, с. 42).

Альфатер обращает внимание на то, что на январской встрече в Давосе в 2009 г. был принят документ «Global Risk Report», в котором в тесной взаимосвязи рассматриваются проявление кризиса в четырех вариантах: обеспечение энергией, изменение климата, обеспечение продовольствием значительной части населения земного шара, кризис финансового рынка.

Какой выход из создавшегося положения видит Альфатер. Его вывод: «Точно также, как существуют мощные экономические интересы, которые хотели бы избежать регулирования, ограничивающего их власть, так и социальные движения должны оказывать влияние на политику с тем, чтобы путем политической регуляции оказывать влияние на развитие глобального капитализма. Речь, следовательно, идет о том, чтобы отстраниться от «деловых необходимостей» глобализируемой экономики и с помощью государственного регулирования вновь «включить» экономику в общество и природу» (43, с. 45).

К дискуссии снова подключился Томас Майер со своей репликой «Марксизм в обличье популизма» (44). В ходе разразившегося кризиса, отмечает Майер, возник феномен, который в какой-то степени можно охарактеризовать, как ренессанс марксизма. Как бы от его имени говорят представители партии Левая (которую возглавил вышедший из СДПГ Оскар Лафонтен. – Б.О.). Но тот же Маркс, замечает Майер, говорил, что великие исторические события повторяются дважды, в первом случае как

трагедия, во втором как фарс. Ныне происходит сведение марксизма к популистской обвинительной риторике. Марксизм представляют так, как будто у него в кармане великая альтернатива происходящему, тогда как он сам отдает себе отчет в том, что для практических решений он не годится. В организациях рабочего движения марксизм свелся к малозаметному явлению не потому, что его намеренно игнорировали, но потому, что он больше не подходит для демократической преобразовательной практики. Рынок, социальное государство и демократия, которые возникли благодаря рабочему движению, находившемуся под марксистским влиянием, создали продуктивную взаимосвязь, которая вполне хорошо служит старым целям социальной демократии.

Сегодня, когда баланс этой триады вследствие кризиса нарушен, на крайне левом фланге появляется ренессанс марксизма. Но при этом не предложены для осмысления анализа, ориентирующие на конкретные действия. Наблюдается лишь популистское использование отдельных фрагментов некогда великой традиции. И это может быть опасным, подчеркивает Майер, приводя в пример результаты последних выборов в Нидерландах, где на эту критическую мешанину поддалась треть общества.

Такое применение инструментализированного спекулятивного марксизма ограничивается бичеванием капитализма в сочетании с указанием на возможность создания совсем другой экономики, если только захотеть. Между тем, опыт 20-го столетия наглядно показывает, что происходит за пределами рынка. Разве не следует делать вывод из провалившегося эксперимента сторонников тоталитарной инициативы? – замечает Майер.

Беспокойный дух из Трира (Маркс – Б.О.) исходил из возможности рационального планирования, предусматривающего развитие производительных сил при наличии не отчужденного самоопределяемого труда. Но как это может происходить в реальности? Когда последователи Маркса пытались реализовать этот проект, они быстро обнаружили, что таким способом они не разрешат загадки истории.

Сейчас этот проект вновь пытаются оживить, повторяя, что государство не должно быть врачом у постели виновного в своих деяниях кандидата в покойники. В трудные времена такой призыв может создать соответствующее настроение в публике. Но при этом он ничего практического не предлагает. «Марксизм никогда не преодолевал свое главное противоречие между своим великим обвинением и совсем

ничтожными контрпредложениями». Точно также это относится к недооценке восстановительной способности капиталистической рыночной экономики, к недооценке корректирующих компонентов – социального государства и регулирующей способности государства.

Такова ситуация. Критиковать капитализм важно. Но еще более важны предложения по преобразованиям, направленным на улучшение ситуации. Все это может быть осуществлено в рамках триады – рынок, социальное государство и демократическое регулирование. Популизм, полагающий, что у него есть на все это глобальная альтернатива, это не только марксизм в виде фарса, но и нанесение вреда левому дискурсу, нацеленному на преобразовательную политику, включает Майер.

Так германские социал-демократы, а также приглашенные гости осенью 2008 года обсуждали последствия наступившего кризиса с точки зрения оценки существа того экономического строя, в рамках которого и состоялось сотрясение экономики на национальном и глобальном уровнях. В этой дискуссии контуры какого-то принципиально нового капитализма не просматриваются.

Но дискуссия продолжалась. И уже в самом начале 2009 года Фонд Фр. Эберта обратился к рассмотрению одного из самых важных аспектов этой проблемы – к новой роли государства.

Примечания

1. Dahrendorf R. Die Chancen der Krise: Über die Zukunft des Liberalismus. – Stuttgart, 1983. – 240 S.
2. Литература о социал-демократии. Указатель реферативных материалов ИНИОН АН СССР. 1983-1988. – М.: ИНИОН, 1989. – 247 с.
3. Литература о социал-демократии. Указатель реферативных материалов ИНИОН АН СССР. 1971-1983. – М.: ИНИОН, 1983. – 258 с.
4. Социал-демократия сегодня: Сб. ст. / РАН, ИНИОН. – Вып. 1. 2002. – 256 с.; «Социал-демократия сегодня». Сб. ст. / РАН, ИНИОН. – М.: 2003. Вып. 2. – 200 с.
5. Социал-демократия перед лицом глобальных проблем: Пробл.-темат. сб. / РАН, ИНИОН. – М.: 2000. – 152 с.
6. Актуальные проблемы Европы. Социал-демократия Европы в начале XXI века: Время перемен. Сб. статей / РАН, ИНИОН. Ред. сост. Мацонашвили Т.Н. – М., 2006. – 240 с.
7. Мацонашвили Татьяна: Избранное: Памятный сборник / РАН, ИНИОН. М., 2008. – 372 с.
8. Hillebrand Ernst. Die Grenzen des Skandinavischen Modells // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte-2008, N 9. – SS. 75-76.
9. Geddens Anthony. Rechts und links. Der Unterschied bleibt gültig // Neue.Ges./Frankfurter Hefte, 2008. N 5. – SS. 19-20.
10. См.: March Luke. Conteporary for Left Parties in Europe: From Marxism to the Mainstreams? // Internationale Politik und Gesellschaft, 2009, N 1, – SS. 126-143.

11. Gabriel Sigmar. Links. Politik für die Mitte // Neue Ges. Frankfurter Hefte, 2008, N 5. – SS. 21-23.
12. Perger Werner A. Lektionen und Lernprozess. Parteienlandschaft im Umbruch // Ibid. – SS.23-27.
13. Miliband D. Probleme der Politik der Progressiven // Ibid. – SS. 24-27.
14. Meng Richard, Damit die Geister sich scheiden // Ibid. – SS. 28-31.
15. Niedermayer Oskar. Plädauer für die Abschaffung der Links-Rechts-Dimension. Ibid. – SS. 32-35.
16. Müller-Hilmer Rita. Sortiert sich das Wahlvolk links? Ibid. – SS. 35-39.
17. Roll Evelyn. Die Sachmit den Eisverkäufern. Wer die Mitte besetzt, hat die Definitionschoheit. Ibid. – SS. 39-41.
18. Meyer Thomas. Zwischenruf: Ohne Mitte geht es nicht. Ibid. – S. 42.
19. Von Luke Albrecht. Die Camouflage der bürgerlichen Rechten. Ibid. – SS. 43-45.
20. Neugebauer Gero. Politische Milleus im Links-Rechts-Raum. Ibid. – SS. 46-47.
21. Brodkorb Mathias. Provokation als Prinzip. Anderthalb Jahre NDP im Landtag von Mecklrburg-Vorpommern. Ibid. – SS. 48-50.
22. Seiffert Anja. Soldaten der Zukunft. Ibid. – SS. 51-54.
23. Майер Томас. Демократический социализм – Социальная демократия. Введение. – М.: Издательство «Республика», 1993. – 173 с.
24. Майер Томас. Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI век. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 285 с.
25. Brandt Will, Kreisky Bruno, Palme Olof. Briefe und Gespräche 1972 bis 1975. – Köln, 1975. – 136 S.
26. См.: Programme der deutschen Sozialdemokratie. Mit einem Vorwort von Willy Brandt. – Bonn, 1978. – 177 S.
27. SPÖ. Das Grundsatzprogramm. – www.spoe.at.
28. Программа Социал-демократической рабочей партии Швеции. – Стокгольм, 1992. – 86 с.
29. Программа Социал-демократической партии Швейцарии. – <http://www.politobras.ru/dokumenti/2008-12-011programma-sotsial-demokraticheska...>
30. Hamburger Programm. Das Grundsatzprogramm der SPD. Beshlossen am 28. Oktober 2007 auf dem Parteitag in Hamburg // Extra Vorwärts. – 24 S. Подробнее см.: Б.С. Орлов. Новая программа германской социал-демократии. Итоги идейной дискуссии в СДПГ. – М.: РАН, ИНИОН, 2008. – 101 с.
31. Meyer Thomas. Theorie der Sozialen Demokratie. Bd II, – Wiesbaden, 2005.
32. Meyer Thomas. Praxis der Sozialen Demokratie. I. Aufl., – Wiesbaden, 2006.
33. Combert Tobias u.a. Grundlagen der Sozialen Demokratie. Lesebuch der Sozialen Demokratie I. – Bonn, o.J. – 157 S.
34. Blair T., Schroeder G. Europe: The Third Way-Die neue Mitte. – L., 1999. – 9 p. – in recto.
35. Giddens A. Soziale Gerechtigkeit in der Programmdebatte der europäischen Sozialdemokratie. – <http://www.spd.de/events/grundwerte/giddens.html>.
36. Путь вперед для социал-демократов Европы. Предложение Г. Шредера и Т. Блэра. – <http://www.politobraz.ru/dokumenti/2008-12-01/put-vpered-dlya-sotsial-demokratov-...>
37. Meyer Th. Editorial.//Neue Ges./Frankfurter Hegte, 2008, N 9. – S. 1.
38. Sarrazin Thilo. Der neue Kapitalismus ist der alte. Ibid. – SS. 14-21.

39. Horn Gustav A. Der neue Finanzmarktkapitalismus. Ibid. – SS. 21-24.
40. Höpner Martin. Die sozial-demokratischen Wurzeln. Ibid. – SS. 25-28.
41. Rüttgers Jürgen. Für die Soziale Marktwirtschaft-Gegen den Turbokapitalismus. Ibid. – SS. 28-32.
42. Lucke von Albrecht. Kontrollverlust und Selbstgefährdung. Ibid. – SS. 37-41.
43. Altvater Elmar. Den globalen Kapitalismus regulieren. Ibid. – SS. 41-45.
44. Meyer Thomas Zwischenruf: Marxismus als Populismus. Ibid. – SS. 45-51.

Часть 3

Государство в период кризиса и после него

Как уже отмечалось выше, возросшая роль государства в период кризиса поставила социал-демократов перед необходимостью осмыслить его предназначение в более стратегическом контексте. Обсуждению этой темы посвящена значительная литература (45). Застрельщиком в дискуссии оказался Фонд Фр. Эберта, и, в частности, его филиал в Лондоне. Задав видным представителям германской социал-демократии и английских лейбористов вопрос «Какова будущая роль государства?», Фонд их краткие ответы поместил в брошюре, изданной в феврале 2009 г. (46).

Рассмотрим точку зрения помещенных в брошюре авторов в той последовательности, в которой они помещены в этом издании.

Петер Бофингер, профессор, специалист по народному хозяйству, преподает в университете в Вюрцбурге (ФРГ), один из пяти членов «Совета мудрецов», регулярно дающий оценки тенденциям экономического развития ФРГ. После того, как потерпела крах социалистическая плановая система, полагает Бофингер, государство на Западе оказалось в состоянии обороны. Рынок все больше становился спасительным учением. При этом исходили из установки, что государство является антагонистом рынка, и его роль должна быть сведена до минимума. Следовало сокращать размер налогов и государственных расходов, сокращать механизмы социальной защищенности и в значительной степени свертывать механизмы государственного регулирования. Финансовый кризис поставил под вопрос эту парадигму. Для спасения разрушавшейся финансовой системы были предприняты соответствующие меры, которые в совокупности означали: рынок и государство друг другу вовсе не противники. При этом стало очевидным, что рынок представляет собой систему, которая зачастую ориентируется на краткосрочную перспективу. Отсюда вывод Бофингера: «Будущая роль государства должна состоять в том, чтобы организовать рыночные процессы таким образом, чтобы они вели к устойчивому экономическому развитию. Конкретно это означает, что следует заботиться об

обеспечении транспарентности деятельности финансовых рынков и создании более надежных подстраховочных механизмов. Однако более важная задача состоит в том, чтобы возникающие в ходе глобализации благоприобретения в широком смысле этого слова в будущем доходили также до широких слоев наемных работников». Это может быть достигнуто, прежде всего, путем введения минимальной заработной платы и путем установленных тарифов на заработную плату, получающих повсеместное распространение» (46, с. 3).

Но чтобы государство справилось с этой ролью, общество должно предоставить в его распоряжение необходимые финансовые ресурсы. О том, что такая модель может действовать успешно, свидетельствует опыт скандинавских стран.

И еще один вывод Бофингера: «Государство будущего должно быть формирующим государством. Оно не должно пассивно отдавать себя на волю сил рынка, ему следует эти силы активно канализировать таким образом, чтобы могли быть достигнуты устойчивые результаты, и чтобы это пошло на пользу как можно большему числу людей. «Это – решающая предпосылка для того, чтобы после финансового кризиса нам не оказаться к тому же в состоянии кризиса глобализации. У свободных рынков в политическом плане будет будущее, если у большинства избирателей возникнет ощущение, что при этом повышается благосостояние во всей его широте».

Эрхард Эпплер, один из ведущих теоретиков СДПГ, бывший министр экономического сотрудничества и основатель Комиссии по основным ценностям при Правлении СДПГ.

По мнению Эпплера, в 21-ом столетии государство призвано решать основные, сущностные задачи, которые, собственно, и делают его государством. Оно должно сохранять присущую ему в соответствии с правом монополию на применение власти. Ему следует застопорить тенденцию к приватизации, разгосударствлению и коммерциализации власти. Государству надлежит препятствовать тому, чтобы безопасность от преступлений становилась товаром, доступным одному и недоступным для других. Не должно быть приватизировано то, что прямо или косвенно связано с отправлением властных функций государства. Это относится, прежде всего, к полиции, военному ведомству, ко всем правовым институтам, но также и к тюрьмам.

«Государство должно придерживаться права – в соответствии с демократическими правилами – и претворять его в жизнь. Государство ответственно за то, чтобы у всех были шансы на получение образования.

«Образование не является рыночным товаром, и это одно из прав человека, которое государство обязано исполнять. В 21-ом веке шансы на образование должны быть у представителей всех возрастов».

То же самое относится и к культуре. Государство не имеет права декретировать, что именно является культурой. Но оно должно создавать условия для культуры, в частности, и таким, которые не в состоянии придерживаться правил рынка (опера, симфонический оркестр, музей и т.д.).

Государство не должно определять, что является правдой. Но оно должно создавать возможности для поиска правды (к примеру, кафедры тех научных дисциплин, которые, с точки зрения интересов рынка излишни).

Государство обязано предотвращать катастрофы климата, и ему следует побуждать производителей и потребителей учитывать экологические требования.

«Следует достигать таких рамочных условий, при которых разрыв между бедностью и богатством больше не увеличивается и, наоборот, постепенно сокращается, покуда у государства есть функции перераспределения. Надежный инструмент для этого – прогрессивное налогообложение» (46, с. 4).

Государство обязано обеспечивать своим гражданам свободу, при этом ему не следует лезть туда, где ему нечего делать. Что касается свободы прессы в 21-ом столетии, то государственным службам не следует играть роль цензора. Но речь идет также о защите перед инвесторами, которые, не имея опыта в журналистике, скупают издательства лишь с целью получения доходов. Очевидно, в этом вопросе не обойтись без государственного регулирования.

«Когда заходит речь о государстве в 21-ом столетии, то следует иметь в виду, что при этом имеется в виду не только национальное государство. Государственной деятельности подлежат также города и общины, региональные единицы (земли, департаменты и т.д.), но также и Европейский Союз, и может быть и Организация Объединенных Наций» (46, с. 4).

Эпплер так поясняет свои соображения: в столетии, в котором капитал действует в глобальных масштабах, – инвестирует или не инвестирует – национально-государственные рамки становятся не действенными. То, что утрачивает национальное государство, должно переходить к Европейскому Союзу, а в некоторых случаях и к ООН. «При этом

приобретают значение наднациональные уровни государственности» (46, с. 4).

При всем при этом, предупреждает Эпpler, государство может действовать, только соблюдая правовые установки. Именно поэтому оно является достижением, которое следует защищать.

Эндрю Гэмбл, профессор в Институте политических наук при Кэмбриджском университете, в своих размышлениях употребляет термин «прогрессивные левые», причисляя к ним и президента США Барака Обаму. Он напоминает, что в ходе избирательной кампании Обама выделил три темы: глобальный финансовый кризис, две продолжающиеся войны (в Ираке и Афганистане) и изменения климата. Но наибольшим вызовом для него и для всех прогрессивных левых, полагает Гэмбл, является усиление эффективности государства в условиях возрастающей глобализации. Речь идет о том, как закрепить основные принципы деятельности государства в глобальном политическом устройстве. «Эта задача приходится на время, когда отдельные демократические государства находятся под огромным грузом проблем. Им приходится использовать находящиеся на грани возможности, чтобы доказать эффективность представительных ответственных государственных форм, в которых обеспечено соучастие всех граждан» (46, с. 5).

При этом существует решающее различие на национальном и глобальном уровнях. В национальных конституциях обычно речь идет о регулировании политической власти, и конституционные формы государства предусматривают ограничение правительственной власти. Однако на транснациональном уровне вопрос ставится не столько об ограничении правительственной власти, сколько о наращивании возможностей правительства, и о выстраивании механизмов регулирования для тех сил, которые в состоянии отправлять власть без какого-либо надзора со стороны или без обязанности постоянно отчитываться. Все это свидетельствует о развитии направления в сторону создания новых транснациональных правительственных форм. Однако все это не может быть достигнуто путем простого перенесения национального государства на транснациональный уровень. Для выстраивания новых транснациональных правительственных форм необходимы многочисленные новые институции, отличающиеся от ныне существующих структур. Трудно себе представить, к примеру, что политические партии будут на этом уровне играть ту же роль, что и в национальных демократиях. Должны быть найдены новые средства, чтобы различные интересы и общественные группы были представлены должным образом. Точно также должны быть отысканы новые пути с

тем, чтобы обеспечить соучастие отдельного человека в политическом процессе. В конечном счете, речь идет о формировании политической культуры, которая необходима для будущего глобального политического строя. Важно при этом, чтобы политическая жизнь предоставляла собой открытый процесс поиска решений и учета различных возможностей.

Анатолий Ливен, профессор в Королевском колледже Лондона, обращает внимание на то, что вмешательство государства не только спасло западную финансовую систему, но и предоставило возможность для радикального переосмысления роли государства.

Первая роль государства – преодоление последствий экономической рецессии. Причем помощь должна оказываться и отдельным городам. В США такие города, как Буффало и Детройт, превратились вследствие кризиса в города призраки. Следует воспрепятствовать тому, чтобы исторические города Европы и Азии постигла такая же участь.

Вторая задача государства – защитные меры против терроризма и нелегальной эмиграции. Опасность заключается в том, что комбинация этих двух тенденций может вызвать реакцию, способную разрушить западные демократии изнутри (46, с. 6). Ливен уточняет свою позицию: «Если нам в течение длительного периода придется приноравливаться к рецессии и стагнации, тогда мы не сможем больше мириться с нынешним потоком нелегальной эмиграции. Значительные морские силы Западной Европы должны постоянно патрулировать вдоль европейского побережья Средиземного моря и Атлантики. Проекты правительств Буша и Блэра насильно насаждать демократию и стабильность в мусульманских странах провалились и по этой причине от них следует отказаться. Вместо этого нам следует сконцентрировать усилия по созданию оборонительных действий» (46, с. 6).

Барак Обама обещал коренным образом реформировать систему здравоохранения. Этим же должны заняться европейцы, оказывая государственное вмешательство в генную технологию и здравоохранение, что тесно связано друг с другом. Это крайне необходимо для сохранения элементарной солидарности западных обществ. Особенно генную технологию ни в коем случае не следует отдавать на откуп рынку. В противном случае возникнет опасность появления классовых различий в здоровье и продолжительности жизни. Такая тенденция довела бы до абсурда не только демократию, но и всю концепцию «общества для всех».

И в заключении, замечает Ливен, пожалуй, о самом главном, ибо речь идет не только о выживании современной рыночной демократии, но, может быть, о сохранении современной культуры жизни. Государство

должно более энергично подключиться к борьбе против изменения климата. Совокупность мероприятий в этой области будет иметь успех, если нынешние поколения сократят свое потребление ради будущих поколений и ради продолжения существования государства как такового.

Ливен выражает сомнение, что современные западные общества способны к такому самоограничению. Но, с другой стороны, именно разразившийся экономический кризис поставит многих людей перед необходимостью отказаться от завышенного потребительского поведения. Тем самым, может открыться путь к новым спасительным культурным и моральным представлениям, которыми руководствуется человек.

Дэвид Марканд, профессор, депутат Лейбористской партии, руководитель колледжа при Оксфордском университете, в прошлом главный советник бывшего президента Европейской комиссии Роя Дженкинса, обращает внимание на чрезвычайную опасность рыночной философии, которая доминировала в последнее время и, в конечном счете, привела к кризису. После падения коммунизма эта философия стала преобладать в США, в Великобритании и в меньшей степени в большинстве стран Европейского Союза. Теперь мы увидели, что этой философии присуща фатальная ошибка. Еще Кейнс более чем семьдесят лет назад обратил внимание на то, что нерегулируемые финансовые рынки руководствуются в меньшей степени законами разумности, а в высшей степени иррациональной погоней за прибылью, что приводит к образованию «пузырей», которые рано или поздно лопаются.

Между тем, в прошедшие двадцать лет идея «плановой экономики» в такой степени впала в немилость, что сегодня она кажется лишь бледным воспоминанием. Однако в настоящее время, полагает Марканд, эта идея снова должна оказаться на сцене, освещенной светом рампы, и не только с целью преодоления возникшего кризиса, но в более отдаленной перспективе. Но кто все это должен осуществлять? Во времена Кейнса ответ был очевиден: планированием должно заниматься государство, ибо государство представляло интересы общества или, во всяком случае, так казалось. Однако для сегодняшней Европы, полагает Марканд, это было бы весьма упрощенным рецептом, который может оказаться не менее опасным, чем рыночный фундаментализм. Малые и средние страны Европы вследствие их величины, нестабильности, но также из-за их различия были слишком перенапряжены при решении этой задачи. Со своими проблемами сталкивается Великобритания. Они, прежде всего, касаются падения британского фунта. В этой ситуации перед Великобританией открывается возможность вступления в Еврозону. «Но

вне зависимости от будущего развития Великобритании, кризис высветил фатальное неудовлетворительное состояние Еврозоны: произошла европеизация валютной политики, тогда как налоговая политика осталась в ведении национальных государств» (46, с. 7). Вывод Марканда: властные функции государства на национальном уровне следует сократить и одновременно расширить на наднациональном. Рассматривая ситуацию в такой перспективе, можно сказать, что такие понятия как «государственное» и «негосударственное» скорее затемняют суть происходящего, чем проясняют.

Томас Майер, также принявший участие в дискуссии, обращает внимание на то, что ни одно политическое понятие не подвергалось столь различным толкованиям, искажениям, упрощениям идеологической инструментализации, как понятие «государство». Между тем, суть дела ясна. Опыт 20-го века показал, что при управлении общественными процессами и развитием, рынок, гражданское общество и государство, располагая различными ресурсами управления, в том числе денежными, действуют там, где они проявляют наибольшую эффективность. Однако при этом государство берет на себя ответственность за развитие в целом, ибо только оно одно в состоянии обеспечивать права.

В среде демократов, будь они граждане, политики, публицисты или представители социальных наук, никто не сомневается в том, что обеспечение основных прав является главной задачей, которую государство в современном обществе не должно передавать другим, поскольку для ее решения просто не существует никакого другого автора.

Между тем, в Европейском союзе существуют пять категорий основных прав: гражданские права, политические права, культурные, социальные и экономические. Поэтому речь идет не только о гарантиях политических, религиозных свобод, и не только о контроле граждан за действиями правительства, но в равной степени об образовании, здравоохранении, социальной защите. Точно также о праве на труд, на создание приемлемых условий для трудовой деятельности, на поддержание и поощрение культуры и языка. И все это должно обеспечивать современное государство без того, чтобы оно само занималось этим. Оно свободно при реализации всех этих задач. Это область соревнования идей, авторов и партий. Но при этом государство обязано следить за выполнением этих основных прав, что и является условием его легитимности.

Таким образом, подчеркивает Майер, дело не в различных политических мнениях и идеологических пристрастиях, но обязанностях, вытекающих из универсалистских основных прав, руководствуясь которыми современное государство, будучи правовым государством и демократией участия, несет ответственность за структуру и развитие национальной экономики в соответствии с существующими основными правами. Поэтому социально-государственная и регулятивная включенность рынка, в том числе финансовых рынков, представляет собой одну из основополагающих задач государства, не подлежащих дискуссионному оспариванию.

Майер завершает свои рассуждения следующим выводом: столько рынка и столько гражданского общества, насколько это возможно. Однако сколько необходимо государства, чтобы обеспечивать основные права граждан, это может решать только само государство, руководствуясь чувством ответственности, а именно перед гражданами и гражданами.

Дональд Сэссон – профессор сравнительной европейской истории Колледжа королевы Марии при Лондонском университете. Проблемным в постановке вопроса о будущей роли государства является то обстоятельство, что на протяжении многих веков сформировалась всеобщая теория государства. Между тем, не существует теории государства, которая подходит к Люксембургу и Соединенным Штатам, к Китаю, Республике Конго, Парагваю и Ливии.

Конечно, мы можем перечислить функции государства: контроль над экономикой путем налоговой политики и расходов, соблюдение права и порядка, гарантии безопасности от возможных угроз, регулирование рынков, обеспечение деятельности общественных служб, переговоры с другими государствами и т.д. «Но такое перечисление не заведет нас далеко, поскольку существующие суверенные государства располагают весьма различными силами и весьма различным образом вплетены в мировую систему» (46, с. 9).

Еще сложнее обстоит дело с различными региональными и билатеральными соглашениями, будь они формальными (к примеру, Европейский Союз) или неформальными (особые отношения Великобритании или Израиля с Соединенными Штатами).

На протяжении последнего столетия все государства смогли расширить свои функции. Лишь весьма немногие оказались нетронутыми этим процессом. В принципе, государство может делать все, чего оно захочет, прежде всего, если за этим стоит большинство населения.

Учитывая это обстоятельство, проведение абстрактной дискуссии о будущей роли государства представляет собой бессмысленное занятие. «Что должно делать то или иное государство и что должны делать государства совместно, – представляет собой корневую проблему политики».

Кстати, полагает Сэссун, сторонники минималистского государства никогда не отрицали центральную роль государства в области политики. Просто они предпочитали более низкий уровень регулирования. Современная ситуация показывает, что такая аргументация близка к поражению.

Наступило время переместить дискуссию на новый уровень и заняться созданием новой международной системы регулирования. Но этого не произойдет, поскольку государства столь различны, и каждой международной системе придется считаться с гегемониальными интересами отдельных государств. Это, прежде всего, касается США с их господствующими позициями.

Современный кризис не привел даже к формированию общей политики Европейского Союза. Государства по-прежнему играют свою традиционную роль. Вывод Сессена: «Остается ожидать, что частично глобализуемая экономика зайдет в тупик и произойдет расширение устремлений к национальному регулированию: то есть, по-прежнему будет существовать анархия».

Гезина Шван весной 2009 г. была выставлена кандидатом СДПГ на пост президента ФРГ, в недавнем прошлом президент Европейского университета во Франкфурте на Одере.

Приговоренное, было, к смерти государство в период кризиса вновь переживает ренессанс, которого никто не ожидал, – полагает Шван.

Воленс ноленс государству пришлось выделять гигантские гарантийные суммы попавшим в беду банкам и предприятиям. Во всех европейских столицах такие действия вызвали аплодисменты. «Государство снова оказалось на своем месте, поскольку оно было единственным, кто мог предотвратить крушение системы» (46, с. 10).

Но такое уважительное отношение к решительным действиям государства не свободно от критических замечаний и высказываемых опасений. Шван останавливается на трех аспектах, которые должны, по ее мнению, оказать воздействие на будущее формирование деятельности государства.

1. Выделяя огромные суммы и поддерживая различные программы по преодолению кризиса, государство оказывается на грани своих возможностей. И не потому, что оно само переоценивает свои средства и возможности, но потому, что оно должно выступать в поддержку тех, кто постоянно воспринимал его как неспособного. «В долгосрочном плане это может привести к утрате его легитимности» (46, с. 10).

2. Опасность заключается также в том, что в ходе усиления роли государства существующий спорный баланс между государством экономикой и гражданским обществом будет существенным образом нарушен. «Мы хотим видеть в Европе сильное государство, но не такое, какое будет подавлять общество». Мы желаем иметь свободную экономику, действующую в рамках установленных рыночных отношений, и свободное, живое гражданское общество. Государственное вмешательство, связанное с преодолением кризиса, мы можем терпеть только на короткий срок. В противном случае мы совершим греховный поступок, наносящий ущерб нашему правовому и политическому устройству и подрывающий устой демократии.

3. Но прежде всего опасность, связанная с ренессансом государства, заключается в том, что при всем активном участии этого государства на европейском и международном уровнях, оно остается классическим, национально действующим автором. Но это означает, что мы тем самым упускаем время для формирования механизмов взаимодействия государства на международном уровне. Сложившееся представление, что именно национальное государство является хорошим гарантом против кризиса в его разных проявлениях, отбросит нас на годы назад в наших усилиях по дальнейшему развитию международной государственности (Governance). Мы теряем драгоценное время для построения нового мирового порядка, в котором мы настоятельно нуждаемся.

Может быть, замечает Гезине Шван, мы в последний раз переживаем ситуацию, когда национальные государства вмешиваются в экономику в кейнсианских традициях. Вопросы нет: такое вмешательство необходимо. И то, что Кейнс у всех на устах, я весьма приветствую. Но при этом мы должны осознавать, что мы прибегаем к инструментарию, который, может быть, через несколько лет окажется полностью неприменимым. Если мы не забудем о том, что и деятельность государства должна быть постоянно на уровне актуальных вызовов, то распознавание этого обстоятельства, быть может, станет тем самым шансом, который заложен в кризисе.

Вольфганг Тирзе – один из видных деятелей СДПГ, вице-президент Бундестага, председатель Комиссии по основным ценностям, – обращает внимание на то, что Гамбургской программой СДПГ, принятой в 2007 г., четко обозначены будущие задачи государства. Демократическое государство – это политическая самоорганизация граждан и гражданок. Жизнеспособное гражданское общество может и должно контролировать государственную деятельность, исправлять, дополнять, увольнять и т.д. Однако заменить государство гражданское общество не может. И то, и другое тесно взаимосвязаны и нуждаются друг в друге.

Социальное государство – это самое большое культурное достижение Европы – более чем что другое отделяет европейский континент от других. Это социальное государство представляет собой организованную солидарность между сильными и слабыми, молодыми и старыми, больными и здоровыми, наемными работниками и не имеющими занятия. Оно было и остается решающей основой для экономической динамики, благодаря которой и создается благосостояние. Суть этого социального государства социал-демократия будет защищать и в будущем.

С учетом этого обстоятельства Тирзе оценивает перспективы гуманного общества. Такое общество возможно лишь тогда, когда общественные блага достаточны и могут быть предоставлены в большом многообразии. Именно это обстоятельство создает и укрепляет как культурную, так и социальную сплоченность, без которых не может существовать жизнеспособная демократия. Богатство культурных социальных и демократических благ определяет качество жизни наших городов и общин. Беспрепятственная приватизация и коммерциализация разрушают пространства общественной жизни и тем самым качество городской жизни. Общественные школы и университеты, музеи, театры, народные училища и городские библиотеки – это все блага, в существовании которых имеется общий интерес.

И в будущем государство не будет заниматься установлением «истин» – ни философских, ни религиозных, ни исторических, но должно будет создавать условия для отыскания таких истин.

Основной вывод Тирзе – «государство не может и не должно делать все само, но оно несет ответственность за создание и расширение общественных благ и за то, чтобы они были доступны всем членам общества».

Полли Тойнби, журналист с ученой степенью, колумнист английской газеты «Гардиан» рассматривает поставленную проблему в публицистической манере. Он отмечает, что до недавнего времени

усиление государства в обществе было нежелательным. Это сказывалось на участии населения в выборах, которое с каждым годом сокращалось. В 2005 году это участие составляло всего 61% (в Великобритании). Учитывая это обстоятельство, политические партии ориентировались на усиление полномочий коммун. Лейбористы поступали точно также, как и другие партии. Они также выступали за ограничение вмешательства государства в экономику.

И вот ситуация изменилась. Лейбористское правительство выделяет миллиарды для спасения банков. Малые и крупные предприятия выпрашивают финансовую поддержку. В результате кризиса ситуация изменилась в пользу Лейбористской партии. Общественное мнение поддерживает вмешательство государства в экономику.

Но не только экономические проблемы обуславливают государственное вмешательство. Существует много других проблем глобального характера, и главная из них – изменение климата. Каждая страна должна контролировать выбросы углекислого газа, что влечет за собой усиление контроля за предприятиями и частными лицами. Большой вопрос возникает при этом, достаточно ли сильны демократические государства, чтобы настоять на осуществлении такого контроля, необходимого для спасения планеты. Если при этом одержат верх сторонники минимальной политики и дерегулирования, мы все задохнемся в жару.

Президенту Обаме придется вести упорную борьбу со сторонниками Буша с его прославлением рыночной свободы как ошибку криминального характера, подчеркивает журналист. В Великобритании разворачивается большая идеологическая битва в области практической политики. Речь пойдет о многом, имеющем значение как для политических партий, так и для будущего правительства. Европейскому Союзу тоже придется занять позицию по отношению к этим вызовам. Окажется ли оно способным развиваться в эту сторону, или двойной вызов – экономический кризис и климатическая катастрофа – выявят его политическую слабость, поскольку каждое государство пытается, в первую очередь, спасти собственную шкуру.

* * *

Такой вот получился заочный мозговой штурм проблем будущего государства со стороны видных ученых и политиков из Великобритании и ФРГ в самый разгар экономического кризиса в начале 2009 года. Как видим, точки зрения на эту проблему несколько отличаются друг от друга, но вместе с тем присутствует общее убеждение: государство как

институт должно сохраняться, беря на себя все большие нагрузки в подходе к социальным, образовательным, культурным проблемам.

Почти не ставится вопрос, как все это скажется на эффективности экономики, на выпечке того «пирога», от которого и выделяется часть на общественные нужды. Не затрагивается вопрос и о том, насколько будет эффективной деятельность государственной бюрократии, вмешивающейся в сложный механизм самоорганизации рыночной экономики. Видимо, это, скорее, проблема тех стран, которые эту рыночную экономику только осваивают. Существенно главное: социал-демократы, оценивая перспективы будущего, отдают себе отчет в том, что и в будущем государство вовсе не «отомрет», но сохранит свои функции, и задача заключается в том, как органично соединить деятельность государственных структур на страновом, региональном и международном уровнях. Вопрос открытый, но над разрешением его социал-демократы всерьез задумываются. Тем более что в рамках Европейского Союза уже сделан ряд практических шагов в этом направлении.

Шансы социал-демократии

О чем бы ни размышляли социал-демократы и их сторонники, в конечном счете разговор заходит о главном: о судьбе политического движения, которое и призвано на политическом уровне реализовать сложившиеся представления, проекты, намерения, ожидания. Разговор на эту тему особенно разгорается, когда те или иные партии социал-демократической ориентации оказываются в кризисном состоянии или попадают в полосу всеобщего кризиса. Наглядный пример – та же германская социал-демократия.

В ноябре 2008 года, то есть в самый разгар кризиса, выходит очередной номер журнала «Нойе гезельшафт» с главной темой, название которой вынесено на обложку: «Шансы социал-демократии».

Как всегда, дискуссию в номере открывает главный редактор журнала Томас Майер с развернутой статьей, которая так и озаглавлена «Шансы социал-демократии» (47). Майер совершает исторический экскурс. В первое столетие своей истории европейская социал-демократия полагала, что она находится в союзе с этой историей, поскольку она представляла справедливое дело, которое, в конце концов, восторжествует, несмотря на временные спады и поражения. И такое настроение господствовало в партии со времен Лассаля до принятия Годесбергской программы в 1959 г. Это настроение улетучилось, констатирует Майер. Такие страны как Голландия, Франция, Италия, но также и Германия продемонстрировали

опыт, который показывает, что путь соскальзывания вниз может завести весьма далеко.

Особенность социал-демократического подхода в политике основывалась на тесной взаимосвязи триады: верность принципам, готовность к поискам новых путей деятельности, способность добиваться поддержки большинства. По целому ряду причин уже с 80-х годов прошлого столетия этот баланс был нарушен, и это особенно дает о себе знать в средствах массовой коммуникации за последние пять лет.

Приглашенные и неприглашенные врачи у постели больной партии предлагают много диагнозов состояния и мало конкретных средств для лечения. В свое время Вилли Брандт показал, как можно блестяще справиться со сложившейся ситуацией. Это был союз просвещенной буржуазии и рабочих с опорой на программу, отвечавшую духу времени. И в последующем партия проводила наступательную политику до той поры, пока она имела разумную программу, принципиальную солидарность членов партии и притягательную силу руководства. Последние два условия, подчеркивает Майер, в последние годы «как бы проскользнули сквозь пальцы».

Каковы же причины слабостей? Давая такой подзаголовок в статье, Майер снова призывает вернуться в историю. Он называет три обстоятельства: общественно-политические структуры, политическая констелляция и актуальная деятельность публичных деятелей. Когда они взаимосвязаны, дела идут хорошо, когда нет – наступает кризис.

Что касается общественных структур, то в результате кризисов, сопровождавших политику роста, возникли новые конфликтные линии между постмодерновыми культурными и социальными профессиями – с одной стороны, и промышленно-экономическими и профсоюзными интересами, с другой. Этот конфликт был обострен появлением нового индивидуализма, который в принципе не отвергает способность людей к солидарности, но не поддерживает необходимость принадлежности к крупным организациям. Как один из результатов, кризис германского социального государства, сложившегося еще при Бисмарке. Это социальное государство нуждается в коренном изменении.

В качестве политико-конъюнктурного фактора Майер называет новую «грязную конкуренцию» со стороны правой Середины и популистских Левых на поле традиционных социал-демократических представлений о справедливости. При этом они добиваются успеха в результате концептуальной слабости СДПГ и ее неспособности убедительно представить свою политику модернизации на левом фланге.

Что же касается ситуативной деятельности, то речь идет о дефиците стратегической верхушки СДПГ, не проявившей себя убедительно в глазах общественности. При этом не было недостатка в программном обновлении. «Гамбургская программа 2007 г. подготовила мяч для удара с одиннадцатиметровой отметки. Но бить по мячу – до этого дело пока не дошло» (47, с. 6).

Далее в статье выносятся еще один подзаголовок, хорошо знакомый российскому читателю: «Что делать?»

Майер обращает внимание на удачную ситуацию, сложившуюся для социал-демократии в ходе кризиса. Политический примат над рынком и социальная защищенность в процессе общественных изменений – у всех на устах. Но осторожно, товарищи! – предупреждает Майер. Улучшенные возможности – это еще не гарантия успеха. По опросам, 70% выступают за установление минимальной заработной платы, 80% – за увеличение социальной справедливости и даже 80% считают в принципе правильным модернизаторский проект Агенда 2010. Но речь идет о возвращении утраченного доверия и о наступательной политической стратегии в политическом дискурсе общества.

Чтобы это осуществить, необходимы четыре вещи, полагает Майер. Первое – убедительный профиль деятельности партии, направленный на восстановление разорванного союза между общественной Серединой и Низами. Второе – действенное политическое руководство, которое изо дня в день олицетворяет эту убедительность. Третье – совсем другой способ публичных коммуникационных связей с обществом. Четвертое – отношение клевой партии так, чтобы не подыгрывать ей.

Майер подчеркивает, что существуют разные виды социальной справедливости: перераспределительная справедливость, справедливость получения возможностей, справедливость, основанная на собственной трудовой деятельности. Эта тема обоснована в Гамбургской программе, в которой речь идет о проявляющем предварительную заботу социальном государстве, открывающем возможности для получения образования и профессии с малых лет.

Особое внимание Майер уделяет тому, что он называет демократией средств массовых коммуникаций (Mediendemokratie). Она становится все более резкой и беспощадной, и партии это придется учитывать. «Речь идет о том, чтобы при тех коммуникационных условиях, которые она выдвигает, послание партии, адресованное людям, следует формировать, формулировать убедительно и действенно представлять на публичной сцене» (47, с. 8).

Уже знакомый нам представитель Фонда Фр. Эберта в Париже Эрнст Хиллебранд высказывает свое суждение по поводу того, как должны вести себя европейские левые в условиях разразившегося кризиса в статье «Европейская Левая и последствия финансового кризиса» (48).

Приводя высказывания ряда социал-демократических деятелей относительно того, что наступил конец эпохи неолиберализма, Хиллебранд пишет: «Культурная гегемония в смысле Грамши будет на определенное время на стороне тех, кто считает необходимым регулирование рынка и его включенность в общественный процесс, а также в образ человека, который иной, чем образ индивидуального сторонника максимального использования возможностей» (48, с. 16). В последние годы левой политике приходилось выставлять свои аргументы против господствующего дискурса, представленном в политике, в средствах массовой информации и вплоть до академического мейнстрима. В будущем все это будет по-другому.

Почему? Что происходит? Находимся ли мы в начале новой политической эры? Так сказать, во времена Нового курса, но теперь уже в мировом масштабе? Произойдет ли возрождение социал-демократии из «пепла ослабевшего капитализма»? Ответ на все эти вопросы будет дляевой нелегким, предупреждает Хиллебранд. Ибо политические последствия современного капитализма могут быть совсем иными. Прежде всего, весьма существенно, насколько глубоким оказался кризис на самом деле. Если его последствия будут примерно такие же, что и во времена мирового кризиса 1929 г., то настоящими выигравшими от сложившейся ситуации будут не «мягкие неорегулировщики» Левой и Правой Середины, но совсем другие силы: антисистемные популистские движения, находящиеся справа и слева от политического мейнстрима. Лишь в том случае, если удастся успешно удержать кризис в рамках существующей системы и финансовые расходы также удержать в разумных рамках, тогда этот кризис пойдет Левой Середине на пользу.

При этом, замечает Хиллебранд, не следует недооценивать способность реагировать на кризис консервативных партий. Европейский консерватизм имеет свою традицию проведения государственно-центристской политики («социальное рыночное хозяйство» традиционных христианских демократов, корпоративизм Макмиллана, активный этатизм де Голля). Европейским левым не следует забывать, что послевоенное время было эпохой, когда в большинстве стран Европы правила Правая Середина.

Левым удастся извлечь пользу из изменившегося духа времени лишь в том случае, если они сумеют извлечь урок из недавних поражений на выборах и предложат избирателям новый убедительный проект. В этом проекте должны быть затронуты три проблемы: растущая социально-экономическая поляризация в условиях глобальной экономики; растущая неуверенность, растущее чувство отсутствия контроля за собственной жизнью, затрагивающие также и средние слои; распространяющееся чувство утраты идентичности в обществах, становящихся в этническом и религиозном плане разнородными. Активное государство с регулируемыми функциями будет частью ответа на эти вопросы, но, как ответ в целом, этого недостаточно. Лишь политический проект, затрагивающий все эти три проблемы, может обеспечить европейской Левой избирательное большинство. Если же Левые вообразят, что кризис неолиберализма сам по себе открывает им дорогу к власти без систематического осмысления происходящего, то они жестоко ошибаются. Конечно, весь спектр политической жизни в Европе поворачивается сегодня влево. Но это вовсе не означает, что следующие выборы уже выиграны, предупреждает Хиллебранд.

Весьма критически оценивает ситуацию в европейской социал-демократии Рене Куперус – представитель одного из фондов, являющегося, как отмечается в журнале, по существу «интеллектуальной фабрикой» Голландской Партии Труда. Это явствует уже из названия его статьи «Как европейская социал-демократия зализывает свои раны» (49).

Куперус начинает с вопроса, который обычно задают в телевизионной массовой аудитории: в какой стране у социал-демократии дела обстоят хуже всего, – в Германии, Англии, Голландии или Франции. Если судить по конференциям, в которых пришлось принимать участие, замечает Куперус, то ответ таков: фактически во всех странах положение мизерабельное.

Такое ощущение, пишет далее Куперус, что с помощью машины времени мы переместились в начало 90-х годов, когда Лейбористская партия казалась абсолютно не имеющей шанса на выборах против партии Маргарет Тэтчер. То же самое происходило в Германии, где кандидатам в канцлеры от СДПГ приходилось вступать в схватку с массивной фигурой Хельмута Коля.

Это было время перед формированием Третьего пути и Новой Середины, этих полупрограммных, полуоппортунистических способов приспособления социал-демократии к новым временам и к новым обстоятельствам.

Сегодня социал-демократия вынуждена практически начинать с нуля, полагает Каперус. Это проявилось на конференции, организованной в Лондоне лондонским представительством Фонда Фр. Эберта и британской «интеллектуальной фабрикой» Policy Network. На конференции было рассмотрено множество вопросов, и один из них: в состоянии ли социал-демократы дать свои ответы на ожидания современных сложных обществ?

В ходе обсуждения выявились различия. В то время как континентальные социал-демократы стремятся обосновывать свою политику реформ и инноваций, поскольку им приходится считаться с постоянной угрозой со стороны мощных лево- и правоэкстремистских популистов, новые лейбористы в Великобритании упрямо придерживаются принципа «Реформы, реформы, реформы».

На лондонской конференции обсуждалась и проблема разрыва между социал-демократической элитой и традиционным корпусом избирателей. Признавалось, что политические партии в их нынешнем виде заостенели и все больше утрачивают связь с базисом. Подчеркивалось, что необходимы контакты с социальными движениями, как это делает Обама в Соединенных Штатах.

В середине июня 2008 г. состоялся международный коллоквиум в Париже. Его главным организатором была Социалистическая партия Франции. Куперус обратил внимание, что в ходе дискуссии французские социалисты не столько анализировали те или иные проблемы, сколько сосредотачивали внимание на чисто личностных моментах, в частности, кому быть от партии кандидатом в президенты страны.

Последний заголовок в статье Куперуса: «Ни акций, ни реакции». Он приводит суждение немецкого профессора на одной из таких конференций, который вспомнил о тактике Клаузевица, как вести себя армии в случае поражения: отступать и залечивать раны. Если представить социал-демократию в виде огромной армии, то она тоже находится в лагере, излечивая раны, – делает вывод голландский аналитик.

Вернер А. Пергер в своей статье «Ожидание Обамы. Надежды на новый шанс для социал-демократии» (50) полагает, что президентские выборы в США повлияют на оживление деятельности европейской социал-демократии. Констатируя, что и в партиях, и в избирательной среде социал-демократии господствуют кризисные настроения, он полагает, что еще более серьезный кризис, а именно крушение финансового капитализма и растущая паника в реальном капитализме, меняют сцену.

Драма социал-демократии утрачивает свою остроту по сравнению с крахом казино-капитализма и спекулятивной системы. При этом банкам приходится страдать еще больше.

Ссылаясь на материалы дискуссии, состоявшейся на лондонской конференции, Пергер касается ситуации в отдельных партиях. Он останавливается на положении в австрийской социал-демократии. В ходе парламентских выборов 28 сентября 2008 г. СПА потеряла шесть процентов (результат – 29,3%) и это самый плохой показатель для нее за все послевоенное время. Больше всех потеряли христианские демократы (минус 8,3%). Теперь они формируют малую «большую коалицию». Но, по существу, это моральное поражение некогда легендарной партии Бруно Крайского.

Партия труда Нидерландов, некогда пример креативности для других партий, снова стала правительственной партией и, помимо прочего, от этой партии действует министр финансов. Но и в этой стране влияние социал-демократов снижается.

Не вызывают надежды положение левых в Италии и Франции. Находясь в оппозиции, социалисты в обеих странах не имеют никаких шансов продемонстрировать свою способность в разрешении мирового финансового кризиса. Внутри себя они погружены в междоусобные схватки и бои. В обозримом будущем у них нет никаких шансов собственными усилиями возглавить правительства.

Скандинавия была всегда модель для других. Но это не касается скандинавских левых, которые не являются примером для других братских партий. Только в Норвегии социал-демократ возглавляет правительство.

По сравнению с другими партиями положение в СДПГ не такое уж плохое, полагает Пергер. После ряда персональных перемещений в руководстве партии положение стабилизировалось. Сложившемуся трио – председатель партии Франц Мюнтеферинг, кандидат в канцлеры Франк-Вальтер Штайнмайер, министр финансов Пеер Штайнбрюк – другие партии могут только позавидовать.

Постоянный кризис и новые надежды характеризуют положение в Объединенном королевстве. Лейбористы еще при Тони Блэре стали утрачивать позиции на выборах. Но вот банковский кризис помог Гордону Брауну из-за его действий в этой области стать героем дня.

Наконец, Испания. Социалистическая рабочая партия Испании в своих делах, скорее всего, скрылась за Пиренеями и реагирует лишь

спорадически на приглашение сотрудничать в разработке проекта социал-демократии. Тем не менее, эта партия выиграла на выборах в 2004-ом и 2008-ом годах.

Вывод Пергера: «При таких относительно нестабильных обстоятельствах нахождения у власти в Европе не удивительно, что неуверенная в себе, легка дезориентированная после эпизода с Третьим путем социал-демократия смотрит с ожиданием на Америку». Выборная кампания Обамы будет внимательно изучена европейцами, скорее, больше в ее методах, нежели чем в содержании» (50, с. 34).

Пергер разъясняет причину такого интереса. В настоящее время происходит поворот в североатлантическом капитализме. Влияние этого поворота на Европу неизбежно, во всяком случае, в политическом дискурсе. Короткий период социал-демократической гегемонии социал-демократов в Европе во второй половине 90-х годов последовал за победой на выборах Билла Клинтона, хотя в самих США такого левого поворота не произошло (скорее, даже наоборот). Если на этот раз социал-демократы подготовятся к победе Обамы, они могут из этого извлечь пользу для себя. Консерваторы и христианские демократы к этому готовы.

Завершается раздел о шансах социал-демократии в журнале «Нойе гезельшафт» беседой Томаса Майера с председателем СДПГ Францем Мюнтеферингом. Он второй раз был избран на этот пост на внеочередном съезде в Берлине 18 октября 2008 г. (кстати, впервые в истории СДПГ). В заголовок беседы вынесено высказывание Мюнтеферинга «Воздух наполнен социал-демократическими темами и ответом на них» (51).

Поздравив Мюнтеферинга с избранием на пост председателя партии, Майер спрашивает его об отношении к документу «Агенда 2010», принятому в свое время Шредером и по-прежнему вызывающему в партии разные настроения. Мюнтеферинг согласен с тем, что в партии это воспринимается отрицательно, и такое настроение быстро переломить не удастся. Но вместе с тем Мюнтеферинг перечисляет ряд положительных мер, принятых в соответствии с «Агендой», которые, в первую очередь, весьма существенно влияют на положение в мире труда. Это прежде всего касается безработицы.

Майер напоминает, что в некоторых слоях населения слово «реформа» воспринимают чуть ли не как угрозу их существованию. Ссылаясь на только что вышедшую книгу Мюнтеферинга «Власть политики», Майер спрашивает, как отнестись к таким настроениям, если учесть, что СДПГ фактически живет реформами, это заложено в ее сути.

Мюнтеферинг полагает, что самое важное – это сделать необходимое популярным, вести дискуссию и обозначить ориентацию. В истории СДПГ были времена, когда ее политика воспринималась сначала сдержанно, если не отрицательно. Например, восточная политика 1972 года. Но со временем общество убедилось в необходимости проведения такого курса.

Майер задается вопросом: как быть, если корневое понятие социал-демократии – справедливость – теперь заимствована и христианскими демократами, и Левой партией? Ответ Мюнтеферинга: у социальной справедливости несколько разных проявлений. Справедливость в возможности получения образования, справедливость в отношении к поколениям, справедливость в участии, справедливость в распределении. Последнее возможно лишь в тесном контакте с профсоюзами и сильным государством, гарантирующим социальные условия жизни. К таким условиям сегодня относится и установление минимальной заработной платы.

Майер: В настоящее время казино-капитализм переживает своего рода поражение при Ватерлоо. Как быть в такой ситуации, – проводить уже намеченные реформы или уже по-новому подходить к возникшей ситуации?

Ответ Мюнтеферинга: Проблему только в национальных масштабах уже не решить. В условиях глобализации деньги перемещаются из страны в страну вне пределов национального регулирования. Конечно, в первую очередь следует принимать решения на национальном уровне, но вместе с тем следует разрабатывать общеевропейские решения. При этом социальный строй Европы будет иметь решающее значение. Удастся ли в этом регионе, где проживает 500 миллионов человек, добровольно и демократическим путем легитимировать социальные компоненты? Если это Европе удастся, это может получиться и в мировом масштабе, – иначе никак.

Очень важно, чтобы в условиях кризиса мы доказали, что демократия в состоянии быть эффективной экономически и стабильной социально, подчеркивает Мюнтеферинг. И при этом проявить себя лучше, чем все другие формы правительственного управления в мире. «Это вызов и для социал-демократии и для демократического социализма» (51, с. 49). Мы имеем сегодня дело с другим капитализмом, чем сто лет назад. Сегодня речь уже не идет о восьмичасовом рабочем дне и больничном обеспечении. Теперь речь идет о том, чтобы мы установили правила в международном масштабе. И, кстати, замечает Мюнтеферинг,

сложившейся ситуацией затронуты и наемные работники, и порядочные предприниматели, которых сегодня предостаточно.

Майер: В адрес программной деятельности СДПГ раздается критика, что мы слишком много придаем значения образованию. Но что делать людям, которым по ряду причин не удастся приобщиться к образованию и тем самым обеспечить себе приличную работу?

Мюнтеферинг: У образования важные экономические и народнохозяйственные компоненты. Но прежде всего - это право человека. Поэтому не следует все сводить к тому, сколько, к примеру, нам нужно инженеров. Но если хочешь, чтобы демократия действовала в полном объеме и чтобы люди примерно одинаково могли оценивать происходящее, тогда должны быть обеспечены возможности для образования и воспитания. Образование – это не гарантия для подъема. Но оно открывает возможности для этого.

Майер: Вы довольно часто говорите о новом общественном проекта. Но вот уже год прошел, как принята Гамбургская программа. Как соотносить все это вместе?

Мюнтеферинг: Гамбургская программа – это хорошая основа для того, чтобы мы вместе определили как цель. Более наглядно представлены основные ценности, наше представление о человеке, то, что нам следует делать. Я бы советовал, чтобы программу почаще читали, как, впрочем, и конституцию страны. Важные вещи не всегда привлекают к себе внимание. Что касается темы «общественный проект», то нам не следует расплываться в деталях. Нам следует вести дискуссию по тем вопросам, которые на самом деле интересуют людей. Например, как при нынешней ситуации удержать высокий уровень благосостояния, и как это должно быть распределено справедливо для всех. «Меняются индивидуальные проекты жизни людей, и политика начинается тогда, когда из такого разнообразия формируются совместные общественные критерии. Все это представляет собой весьма напряженный вызов» (51, с. 51).

Майер: Это можно рассматривать как повод для дискуссии по отношению к Гамбургской программе?

Мюнтеферинг: Это попытка не только описать, что мы заботимся о том, чтобы человеку было удобно на том месте, где он сидит. Но мы должны также сказать человеку, в каком направлении осуществляется «путешествие» (Reise), пояснить, что поезд при этом в полном порядке, и сколько при этом стоит проездной билет. Мой опыт показывает, что люди с удовольствием воспринимают, когда им разъясняют смысловые вещи в

их взаимосвязи. Несмотря на множество деревьев, они хотели бы иметь представление о лесе как таковом. Ибо существует опасность, что в противном случае мы утрачиваем обзор перспективы. «В наших дискуссиях нам следует все это осмыслить. Я полагаю, что мы в состоянии это сделать и что при этом основой будет Гамбургская программа».

Далее шел подробный разговор о ситуации в связи с предстоящими парламентскими выборами в сентябре 2009 г., об отношении к ХДС/ХСС и к Левой партии. В конце беседы Майер задает еще один вопрос принципиального характера: вы сказали, что в ходе предвыборной дискуссии речь уже идет больше не о противоречиях (между конкурирующими партиями. – Б.О.), а скорее о различиях. Но как при таких обстоятельствах проводить кампанию по мобилизации избирателей?

Мюнтеферинг: Фридрих Эберт в свое время выступал за то, чтобы в конкурентной борьбе вести себя жестко. Однако при этом не следует оскорблять конкурента. Нужно воспринимать конкурента в его собственной человечности и индивидуальности. Полагаю, что и сегодня следует придерживаться такого подхода. Многие вещи сегодня настолько сложны, поясняет Мюнтеферинг, что никто не может утверждать, что вся правда на его стороне. «Готовность слушать другого – это целесообразно» (51, с. 52). Но когда после этого приходишь к собственному решению, делай это четко и ясно со всей необходимой массовой политикой. Все это вместе и есть демократия. И тогда наступает главное: действовать.

В беседе Майера с председателем СДПГ Францем Мюнтеферингом была затронута одна из главных проблем, с которыми сталкивается не только германская, но вся европейская социал-демократия. С одной стороны, необходимо проводить политику модернизации, ибо только в таком случае экономика может успешно функционировать и, следовательно, открывать возможность для социальной политики (рабочие места, средства на социальные нужды общества и т.д.). Но при такой политике модернизации на второй план отходит духовное и идейное содержание политики социал-демократии. Во имя чего это делается? Каковы ориентиры? В каком направлении «идет путешествие», как сказал Мюнтеферинг?

Учитывая это обстоятельство журнал «Нойе гезельшафт» через несколько месяцев подготовил тематический выпуск, посвященный

осмыслению духовных перспектив социал-демократии. Об этом – в следующем разделе.

Но перед этим рассмотрим еще одну концепцию, позволяющую учитывать весь спектр представлений социал-демократии относительно ее перспектив.

Как мы могли убедиться, осмысливая будущее, социал-демократы, в основном, ставят вопрос о совершенствовании социальной политики, об упрочении демократии, о механизмах контроля над рыночной экономикой, перенося все это на общеевропейский и глобальный уровень. Иными словами, речь идет о реализации уже сложившихся представлений о направлениях гуманизации общества. Между тем, существуют представления о более качественном изменении отношений в обществе вне пределов утопических представлений о социализме. Эту тему затрагивает профессор берлинского института социальных наук Рольф Райссиг (52). Обращаясь к работам венгерского ученого Карла Поляний (родился в 1886 в Вене, умер в 1964 г. в Торонто), и прежде всего к его труду «Великая трансформация (The Great Transformation)», берлинский ученый характеризует суть его подхода: возможность существования обществ, которые основываются на ином распределении властей и на других принципах сохранения социального и экологического равновесия. В этой связи Поляний говорил о «новой демократии». При такой демократии свобода должна существовать уже не за счет справедливости и социальной защищенности, но, наоборот, справедливость и социальная защищенность должны быть условиями для всеобъемлющих прав на свободу отдельного человека. При таких обстоятельствах примат принадлежит не рынку, а обществу. Все это Поляний и называл «радикальной трансформацией», концом «рыночного общества», но вовсе не концом способных к конкуренции рынков.

Первым шагом в этом направлении, полагал Поляний, может быть включение рынка, капиталистического способа экономики в социальные, и одновременно в экологические, а также политические рамки, направленные на развитие. Иными словами, экономика, социальность и экология должны быть заново связаны друг с другом. Но для этого общество должно быть народным сувереном властвования. В таком качестве оно должно заново определять целеполагание во всех областях жизни – от экономики до культуры и экологии.

По мнению Райссига, этот процесс постлиберального развития с учетом последствий нынешнего финансового и экономического кризиса займет длительный период: по всей видимости от одной до двух декад.

Важно учитывать, подчеркивает Райссиг, что эта новая социокультурная модель не может быть осуществлена на сугубо национальном уровне. Речь идет о глобальном проекте, о создании «Европейского социально-экологического союза», а затем и «Социального и демократического мирового сообщества».

Иными словами, речь идет об осуществлении в XXI-ом веке «Второй Великой Трансформации». Удастся ли это, многое зависит от того, какими путями будут решаться проблемы современного кризиса.

Примечания

1. Dahrendorf R. Die Chancen der Krise: Über die Zukunft des Liberalismus. – Stuttgart, 1983. – 240 S.
2. Литература о социал-демократии. Указатель реферативных материалов ИНИОН АН СССР. 1983-1988. – М.: ИНИОН, 1989. – 247 с.
3. Литература о социал-демократии. Указатель реферативных материалов ИНИОН АН СССР. 1971-1983. – М.: ИНИОН, 1983. – 258 с.
4. Социал-демократия сегодня: Сб. ст. / РАН, ИНИОН. – Вып. 1. 2002. – 256 с.; «Социал-демократия сегодня». Сб. ст. / РАН, ИНИОН. – М.: 2003. Вып. 2. – 200 с.
5. Социал-демократия перед лицом глобальных проблем: Пробл.-темат. сб. / РАН, ИНИОН. – М.: 2000. – 152 с.
6. Актуальные проблемы Европы. Социал-демократия Европы в начале XXI века: Время перемен. Сб. статей / РАН, ИНИОН. Ред. сост. Мацонашвили Т.Н. – М., 2006. – 240 с.
7. Мацонашвили Татьяна: Избранное: Памятный сборник / РАН, ИНИОН. М., 2008. – 372 с.
8. Hillebrand Ernst. Die Grenzen des Skandinavischen Modells // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte-2008, N 9. – SS. 75-76.
9. Geddens Anthony. Rechts und links. Der Unterschied bleibt gültig // Neue.Ges./Frankfurter Hefte, 2008. N 5. – SS. 19-20.
10. См.: March Luke. Conteporary for Left Parties in Europe: From Marxism to the Mainstreams? // Internationale Politik und Gesellschaft, 2009, N 1, – SS. 126-143.
11. Gabriel Sigmar. Links. Politik für die Mitte // Neue Ges. Frankfurter Hefte, 2008, N 5. – SS. 21-23.
12. Perger Werner A. Lektionen und Lernprozess. Parteienlandschaft im Umbruch // Ibid. – SS.23-27.
13. Miliband D. Probleme der Politik der Progressiven // Ibid. – SS. 24-27.
14. Meng Richard, Damit die Geister sich scheiden // Ibid. – SS. 28-31.
15. Niedermayer Oskar. Plädauer für die Abschaffung der Links-Rechts-Dimension. Ibid. – SS. 32-35.
16. Müller-Hilmer Rita. Sortiert sich das Wahlvolk links? Ibid. – SS. 35-39.
17. Roll Evelyn.Die. Sachmit den Eisverkäufern. Wer die Mitte besetzt, hat die Definitionschoheit. Ibid. – SS. 39-41.
18. Meyer Thomas. Zwischenruf: Ohne Mitte geht es nicht. Ibid. – S. 42.
19. Von Luke Albrecht. Die Camouflage der bürgerlichen Rechten. Ibid. – SS. 43-45.
20. Neugebauer Gero. Politische Milleus im Links-Rechts-Raum. Ibid. – SS. 46-47.

21. Brodkorb Mathias. Provokation als Prinzip. Anderthalb Jahre NDP im Landtag von Mecklrbnburg-Vorpommern. Ibid. – SS. 48-50.
22. Seiffert Anja. Soldaten der Zukunft. Ibid. – SS. 51-54.
23. Майер Томас. Демократический социализм – Социальная демократия. Введение. – М.: Издательство «Республика», 1993. – 173 с.
24. Майер Томас. Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI век. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 285 с.
25. Brandt Will, Kreisky Bruno, Palme Olof. Briefe und Gespräche 1972 bis 1975. – Köln, 1975. – 136 S.
26. См.: Programme der deutschen Sozialdemokratie. Mit einem Vorwort von Willy Brandt. – Bonn, 1978. – 177 S.
27. SPÖ. Das Grundsatzprogramm. – www.spoe.at.
28. Программа Социал-демократической рабочей партии Швеции. – Стокгольм, 1992. – 86 с.
29. Программа Социал-демократической партии Швейцарии. – <http://www.politobras.ru/dokumenti/2008-12-011programma-sotsial-demokraticheska...>
30. Hamburger Programm. Das Grundsatzprogramm der SPD. Beshlossen am 28. Oktober 2007 auf dem Parteitag in Hamburg // Extra Vorwärts. – 24 S. Подробнее см.: Б.С. Орлов. Новая программа германской социал-демократии. Итоги идейной дискуссии в СДПГ. – М.: РАН, ИНИОН, 2008. – 101 с.
31. Meyer Thomas. Theorie der Sozialen Demokratie. Bd II, – Wiesbaden, 2005.
32. Meyer Thomas. Praxis der Sozialen Demokratie. I. Aufl., – Wiesbaden, 2006.
33. Combert Tobias u.a. Grundlagen der Sozialen Demokratie. Lesebuch der Sozialen Demokratie I. – Bonn, o.J. – 157 S.
34. Blair T., Schroeder G. Europe: The Third Way-Die neue Mitte. – L., 1999. – 9 p. – in recto.
35. Giddens A. Soziale Gerechtigkeit in der Programmdebatte der europäischen Sozialdemokratie. – <http://www.spd.de/events/grundwerte/giddens.html>.
36. Путь вперед для социал-демократов Европы. Предложение Г. Шредера и Т. Блэра. – <http://www.politobraz.ru/dokumenti/2008-12-01/put-vpered-dlya-sotsial-demokratov-...>
37. Meyer Th. Edotorial.//Neue Ges./Frankfurter Hegte, 2008, N 9. – S. 1.
38. Sarrazin Thilo. Der neue Kapitalismus ist der alte. Ibid. – SS. 14-21.
39. Horn Gustav A. Der neue Finanzmarktkapitalismus. Ibid. – SS. 21-24.
40. Höpner Martin. Die sozial-demokratischen Wurzeln. Ibid. – SS. 25-28.
41. Rüttgers Jürgen. Für die Soziale Marktwirtschaft-Gegen den Turtbokapitalismus. Ibid. – SS. 28-32.
42. Lucke von Albrecht. Kontrollverlust und Selbstgefährdung. Ibid. – SS. 37-41.
43. Altvater Elmar. Den globalen Kapitalismus regulieren. Ibid. – SS. 41-45.
44. Meyer Thomas Zwischenruf: Marxismus als Populismus. Ibid. – SS. 45-51.
45. См., например, Eppler Erhard. The Return of the State? – London, 2009. – 236 S.
46. Welche zukünftige Rolle für den Staat. – Friedrich Ebert Stiftung, 2009, Februar. – 12 S.
47. Meyer Thomas. Die Chancen der Sozialdemokratie // Neue Ges. / Frankfurter Hefte, 2008,N 11. – SS. 4-8.
48. Hillebrand Ernst. Zwischenruf: die europäische Linke und die Folge der Finanzkrise. Ibid. – SS. 16-17.

49. Cuperus René. Wie die europäische Sozialdemokratie ihre Wunden leckt. Ibid. – SS. 26-30.
50. Perger Werner A. Warten auf Obama. Hoffnung auf neue Chance für Europas Sozialdemokraten. Ibid. – SS. 30-34.
51. Gespräch mit Franz Müntefering. «Die Luft ist voll sozialdemokratischen Themen und Antworten». Ibid. – SS. 47-52.
52. Reissig Rolf Krise und gesellschaftliche Alternative // Neue Ges. / Frankfurter Hefte, 2009, N 4. – SS. 33-36.

Часть 4

Левые в Латинской Америке

Основная тема на обложке журнала «Нойе гезельшафт» (декабрь 2007 г.) обозначена так: «Социализм 21-го века в Латинской Америке». Тем самым, как он подчеркивает, речь идет о специфическом феномене социализма в конкретных временных рамках (21-ый век) и в специфических региональных условиях (Латинская Америка).

В чем суть такого социализма? Каковы причины его появления, тогда как на континенте его первоначального проявления в самом различном толковании – в Европе – идея социализма утратила привлекательность?

Это связано, в первую очередь, с чрезвычайно активной деятельностью политических сил левой ориентации в большинстве стран Латинской Америки буквально в считанные годы. Одерживая победу на выборах, они приходили к власти в одной стране за другой: Венесуэла (1998), Чили (2000 и 2006), Бразилия (2003, 2006), Аргентина (2003, 2007), Уругвай (2005), Боливия (2005). Перу (2006), Эквадор (2006), Никарагуа (2006), Гватемала (2007).

Специалисты были почти единодушны в том, что произошел феноменальный по масштабам «левый поворот». Но далее возникла необходимость разобраться в том, что происходит в общем потоке «левого поворота», какие проявляются тенденции, в чем сходства и в чем различия между отдельными странами. На этот счет уже появилась обширная литература, в которой прослеживаются разные точки зрения.

Так, авторы журнала «Нойе гезельшафт» Дитмар Дирмозер и Вольфганг Меркель в статье «Левая демократия и социальный вопрос» (59) выделяют два типа левых правительств. Первый тип – страны, в которых левые правительственные партии созрели в историческом процессе. Они придерживаются демократических правил в борьбе за власть. Это – «умеренные левые» (Бразилия, Чили, Уругвай, Аргентина с некоторым налетом популизма). Второй тип – левопопулистские режимы,

возглавляемые харизматическими лидерами (Венесуэла, Боливия, Эквадор).

Авторы особо обращают внимание на режим Уго Чавеса в Венесуэле, характеризуя его как «плебисцитарную фюрердемократию» (59, с. 25).

Примерно такого же подхода придерживаются российские исследователи О.А. Жирнов и И.К. Шереметьев. В своем аналитическом обзоре (60) они также полагают, что в основном «левом повороте» сформировались леворадикальные и умеренные центристские режимы». У последних, – полагают авторы, – есть ряд видимых преимуществ перед первыми, они сохраняют «верность» открытой рыночной экономике и потому пользуются поддержкой местных предпринимательских кругов... Но у них есть и слабые стороны: возникает опасность «скатывания вправо» под давлением внешних и внутренних сил, заинтересованных в таком развитии событий» (60, с. 123).

По-иному оценивает происшедшее в Латинской Америке Э.С. Дабагян. Его позиция: «Сегодня у власти в Латинской Америке находятся и консерваторы, и социал-демократы, и левоцентристы, и левые радикалы, и еще окончательно не определившиеся деятели. Нынешняя политическая панорама демонстрирует разные маршруты движения региона. Это не позволяет сделать однозначный вывод о «левом повороте» как доминирующей тенденции континента» (61, с. 74).

В своих оценках Э.С. Дабагян опирается на результаты исследования деятельности конкретных политических фигур на латиноамериканской сцене. В 2008 г. в ИНИОН вышел его политический портрет Уго Чавеса. Проанализировав разные стороны деятельности Чавеса, Дабагян дает ему такую оценку: «В Венесуэле установился социально ориентированный неопопулистский режим с ярко выраженными каудильистскими чертами. Он опирается на поддержку низов и армии, зиждется на авторитете харизматического лидера, находящегося на вершине пирамиды власти и крепко держащего в руках бразды правления» (62, с. 110).

Перу Э.С. Дабагына принадлежит и портрет деятеля социал-демократической ориентации. Это Риккардо Лагос. Находясь на посту президента Чили в течение шести лет (2000-2006), он претворял в жизнь «чилийскую модель», сочетающую эффективную экономику и социальную политику в условиях демократии. Деятельность Лагоса Э.С. Дабагян характеризует следующим образом: «Его заслуга определяется, по меньшей мере, тремя факторами. Р. Лагос, во-первых, сумел уйти от социалистического радикализма. Во-вторых, он внес решающий вклад в выработку и осуществление стратегии сотрудничества с другими

демократическими силами. В-третьих, совместно с партнерами проводил социальную политику в ее многомерном измерении» (63, с. 74).

Но как обстоят дела с латиноамериканским социализмом 21-го века? Каковы его хотя бы первоначальные контуры? На этот счет суждений маловато. Но вот интересное наблюдение латиноамериканского исследователя Фернандо Миреса. Его статья «Национальный социализм или социальная демократия? Историческое обозрение» (64) помещена в журнале «Нуово сосиедад», специальный выпуск которого (сентябрь 2008 г.) посвящен теме «Насколько левыми являются Левые в Латинской Америке?»

В своем первоначальном происхождении, пишет Ф. Мирес, социализм был тесно связан с демократией. Он ставил своей целью утвердить себя в условиях политической свободы и благосостояния. При этом он исходил из того, что с подъемом марксизма и в ходе русской революции социализм все больше воспринимался как нечто другое чем демократия, и даже превратился в ее противоположность. Свое драматическое перевоплощение, подчеркивает Мирес, он приобрел в национал-социалистических режимах, таких, как фашизм и сталинизм. И хотя социальная демократия стала получать распространение достаточно широко в Латинской Америке, сегодня она находится в состоянии конфронтации с «социализмом 21-го века» – этой запоздалой попыткой вернуться к антидемократическому социализму прошлого столетия.

Эту же тему затрагивает в том же журнале Херве До Альто в статье «От воодушевления к беспомощности. Взгляд европейских левых на Латинскую Америку» (65). В 60-е и 70-е годы, пишет автор, европейские Левые с интересом наблюдали за происходящим в Латинской Америке и полагали, что там происходит воплощение их социалистической мечты, что казалось уже невозможным на старом континенте. Сегодня, напротив, у них возникает непонимание политических перемен в этом регионе. Европейские интеллектуалы и политики чувствуют себя неуверенно по отношению к таким вождям как Уго Чавес (Венесуэла), Эво Моралес (Боливия) и Рафаэль Корреа (Эквадор) и воспринимают их как «популистов». Но это понятие «популизм» настолько растяжимо, что оно мало что говорит о тех, кто его якобы практикует.

На это обращает внимание и Лудольфо Парамиио в статье «Левый разворот и возвращение популизма» (66). Он подробно рассматривает деятельность Уго Чавеса. Используя в чисто популистской манере распределительные возможности с опорой на нефтяные и газовые ресурсы страны, Чавес претендует на роль лидера в этом регионе. При

этом, подчеркивает Парамиио, возникает опасность, что его деятельность превращается в дестабилизирующий элемент, ведущий к поляризации общества в самой Венесуэле и за ее пределами.

Тем не менее, профессор Нью-Йоркского университета Кеннет М. Робертс в статье «Перспективы социал-демократии в Латинской Америке» (67) считает возможным становление социал-демократии в этом регионе. Правда условия здесь существенно отличаются от тех, что существовали в Европе и способствовали подъему социал-демократии. Но здесь, в Латинской Америке, как и там, в Европе, значительная часть Левых выступают за политическое реформирование капитализма в интересах социальной справедливости и равенства, и, тем самым, за то, что является сутью социал-демократии. Пути и средства к достижению этих целей различны от страны к стране.

Это подтверждает и Франклин Рамирес Галлего в статье «Одна другая, многие тенденции у латиноамериканских левых» (68). В науке и политике, подчеркивает он, стало общим правилом говорить о двух левых тенденциях в Латинской Америке. Одна из них – «прагматическая», «разумная» и «модерновая» (Чили, Бразилия, Уругвая), другая – «демагогическая», «националистическая» и «популистская» (Венесуэла, Боливия, Аргентина, Мексика). Галлего полагает, что ситуация куда более сложная, и обращает внимание на такие исторические обстоятельства как институциональное наследие неолиберализма и деятельность прогрессивных партий в ряде стран. По этой причине тенденций куда больше.

Как представляется, такая точка зрения перекликается с той позицией, которую занимает российский исследователь Дабагян. В любом случае, совершенно очевидно, что латиноамериканский континент переживает принципиально новый этап в своем существовании, когда на политическую сцену выходят новые политические силы со своими новыми представлениями о преобразовании общества, которые способны к трансформации в зависимости от новых возникающих обстоятельств, предугадать которые зачастую невозможно. Будет ли протекать процесс по традиционному социал-демократическому сценарию, вопрос открытый.

Социализм и социал-демократия в России

Для полноты картины очень коротко о социал-демократических процессах в России Социал-демократические тенденции стали проявляться прежде всего в рамках правящей КПСС. В рамках этой партии со временем все больше росло понимание того, что практикуемая

модель социализма нуждается в коренном обновлении – и в политике, и в экономике. Придать человеческий облик социализму – таков был главный смысл реформ, начатый по инициативе генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, получивших публичное обозначение как Перестройка, Гласность.

Во второй половине 80-х годов в партии уже появилось концептуальное обоснование перемен, получившее название «Демократическая платформа». Все шло к размежеванию внутри партии на традиционалистов-догматиков и на реформаторов социал-демократического толка. На осень 1991 г. намечалось проведение съезда, на котором и должно произойти организационное оформление размежевания. Августовский путч 1991 г. прервал намечавшийся ход событий. После его подавления Б.Н. Ельцин заставил М.С. Горбачева публично подписать документ о роспуске КПСС. В декабре 1991 г. в Беловежской Пуще произошел официальный роспуск Советского Союза. В истории России обозначился принципиально новый этап – продвижения в сторону представительной демократии и рыночной экономики со всеми сопутствующими трудностями и проблемами.

В политическом и идеологическом плане возникла своеобразная ситуация. В принятой в 1993 г. конституции Россия отказалась следовать каким-либо идеологическим установкам, в том числе и социалистической. Но вместе с тем во вновь возникшей на базе сохранившихся организационных структур КПСС теперь уже Компартии Российской Федерации было заявлено о приверженности старой идеологической концепции социализма, включая и позитивную оценку деятельности Сталина.

Что же касается социал-демократических тенденций, то в мае месяце 1990 г. состоялся Учредительный съезд Социал-демократической партии Российской Федерации (СДПР), в деятельности которой довелось участвовать. В ее программных установках сталинизм подвергался жесткой критике, вместе с тем в рядах партии были сторонники «демократического социализма», сходного с аналогичной концепцией в рядах западноевропейской социал-демократии.

В процессе трудных организационных перевоплощений (СДПР – Объединенная СДПР – СДПР во главе с М.С. Горбачевым – СДПР во главе с В.Н. Кишениным – запрет деятельности СДПР) в социал-демократическом интеллектуальном пространстве со временем сформировались в теоретическом плане два полюса. Один – левый – представляет Борис Федорович Славин, сыгравший заметную роль в

теоретическом обосновании политического движения Святослава Федорова (69), и второй – правый, вернее социал-либеральный, к которому принадлежит автор этих строк. На мои мировоззренческие позиции в свое время оказали влияние два ключевых положения. Одно – Радищева с его позицией «Я взглянул окрест себя и душа моя страданиями человечества уязвлена стала», и другое – Маркса и Энгельса из «Коммунистического манифеста»: «Свободное развитие личности есть условие свободного развития всех». В диапазоне этих двух положений и формировались убеждения: человек должен быть, безусловно, свободным, но он несет как мыслящая личность долю ответственности за происходящее в обществе и стремится содействовать тому, чтобы человечество все больше продвигалось в сторону гуманизации. Остальное – в моих работах (70).

Разделение это, конечно, весьма приблизительное. На своеобразных социал-либеральных позициях стоял Александр Николаевич Яковлев (71), возглавивший в свое время Партию социальной справедливости (она вошла затем в объединенную СДПР).

Не менее своеобразные позиции у первого демократически избранного мэра Москвы, основателя Фонда Плеханова Гавриила Харитоновича Попова. В его многочисленных публикациях, в том числе на страницах массовой популярной газеты «МК», затрагивается много тем. Среди них выделяются такие темы, как борьба с бюрократизмом, осмысление последствий глобального кризиса, что, кстати, нашло отражение в его последней работе, изданной в рамках Фонда Плеханова (72).

Между тем, наблюдается постепенное объективное осмысление прошлого российской социал-демократии. Более выпукло представлена деятельность человека, находившегося у истоков становления российской социал-демократии, – Г.В. Плеханова (73). Российский читатель получил развернутое представление о личности Ю.О. Мартова в книге Иль Ханукаевича Урилова (74). Ему же принадлежит трехтомное исследование, посвященное истории становления меньшевизма (75).

Восстановлен яркий образ Ираклия Церетели, особенно проявившегося себя в период Февральского процесса 1987 г. (76). На очереди – портреты Павла Аксельрода, Николая Чхеидзе, Федора Дана, этих видных деятелей российской социал-демократии.

Становление российской социал-демократии после распада СССР уже становится объектом исторических исследований. Среди них развернутым анализом выделяется статья Н. Работяжева и Б. Романова (77).

Следует отметить, что проблематика социализма в последнее время становится все более заметной в общественной дискуссии. Из попыток осмыслить происходящее с теоретических постмарксистских позиций выделяется деятельность группа ученых вокруг профессора А.В. Бузгалина. Сами себя они называют «постсоветской школой критического марксизма». Один из результатов их довольно активной деятельности – сборник работ, названный «Социализм 21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма». Вышла книга в 2009 г. и представляет собой объемистый труд в 720 страниц (78).

Во введении Александр Бузгалин так определяет позиции авторов: «Мы все базируемся на определенном наследии, которое и сделало нас такими, кто мы есть. И для нас в этом наследии, безусловно, важен К. Маркс, на работах которого мы выросли» (78, с. 5). Отмечается, что к марксистам могут быть отнесены не все авторы, в частности, профессора Г.Г. Водолазов, В.М. Межуев, В.Н. Миронов.

Один из выводов авторов: «Мы считаем возможным и закономерным развитие человечества и, в частности, России, по социалистической траектории, предполагающей качественный скачок по пути эмансипации человека от власти отчужденных общественных сил и экономического, и внеэкономического принуждения, освобождения от власти и капитала, и неподконтрольной человеку политической власти» (78, с. 8).

В левой тональности написаны статьи Михаила Борисовича Ходорковского, опубликованные в газете «Ведомости». Последняя по времени из них вышла с заголовком «Новый социализм: Левый поворот – 3. Глобальная *perestroika*» (79).

Один из выводов в статье: «Мы имеем полное моральное и экспертное право констатировать, что 30 лет доминирования либертианских идей подошли к концу... Сейчас в мире складывается обратная ситуация. Прожив счастливо более четверти века, рейганомика себя в данный исторический момент исторически исчерпала. К порогу современности подошел неосоциализм. В ближайшем будущем Кейнс будет более востребован, чем Фридман и Хайек. Осязаемые руки государств и международных альянсов – более, чем невидимая рука рынка.

Левый поворот, но уже не узконациональный и не региональный, а глобальный, станет ответом мира на вызов кризиса, а, точнее, – накопленных за предыдущие два с половиной десятилетия проблем» (79).

К разработке новой интерпретации идеи социализма подключился один из видных представителей традиционной марксистской школы Юрий Андреевич Красин в своей новой работе: «Социалистическая идея:

проекция в XXI-ый век» (80). Его позиция отражена в следующем тезисе: «Неудачи и ограниченности прежних социалистических ответов на общественные потребности не означают, что поиск таких ответов должен прекратиться. Плоды практики прошлого критически переосмысливаются и становятся исходным пунктом анализа сегодняшних условий, возможностей и способов реализации социалистических ценностей. Несмотря на кризис, переживаемый социализмом, он остается актуальной задачей современности, так как опирается на реальные тенденции общественного развития, создающие потребность в социалистических решениях и соответствующей системе ценностей».

Статья Ю.А. Красина в Интернете помещена на сайте информационно-аналитического журнала «Политическое образование. Сетевой проект электронного периодического издания «Социал-демократия для России» (81). Заметим, что постоянными авторами этого издания является ряд серьезных знатоков социал-демократии. Среди них – Александр Абрамович Галкин, Борис Иосифович Коваль, авторы многочисленных публикаций. И вообще, в аналитике, в том числе социал-демократической, все больше наступает время электронных интерпретаций.

К осмыслению проблем социализма подступают с разных сторон, в том числе он становится предметом обсуждения и в религиозных кругах. Подтверждение тому – книга А.Е. Молоткова «Миссия России – Православие и социализм в XXI веке» (82).

Как указывается в рецензии на книгу Е. Троицкого в «Литературной газете» (ЛГ, 18-24 марта 2009 г.), автор «выступает за христианский, православный социализм с его возвышенной идеологией, здоровой нравственностью, развитой смешанной экономикой, способной обеспечить экономическую и геополитическую независимость нашей страны от Запада».

Суть позиции А.Е. Молоткова изложена на обложке его книги: «Как два принципа мирозерцания православие и коммунизм могут, на первый взгляд, показаться абсолютно несовместимыми, но тот факт, что оба они были реализованы в качестве государственной идеологии в единой русской истории, говорит о том, что между ними есть нечто общее. Наша задача и состоит в том, чтобы осознать это общее и проявить на уровне современного мышления те предпосылки, которые могут стать основанием для новой национальной идеологии XXI века».

Такие вот дела с социализмом и с социал-демократией в России. Российское общество начинает все больше осознавать, что вступило в

период рыночных капиталистических отношений с их жесткими императивами, не всегда находящимися в ладу с ценностными установками. Влиять на этот процесс только с помощью лозунгов «Долой олигархов!» малоперспективно. Необходима выработка стратегии, учитывающей все сложность сложившейся ситуации. Примерно такой же, к которой прибегают европейские социал-демократы, правда, с переменным успехом.

Заключение

В конце апреля 2009 г., когда завершалась работа над данным аналитическим обзором, из Германии из Фонда Фр. Эберта пришло сообщение: Эрхард Эпплер намерен 29 апреля принять участие в дискуссии в Штутгарте по теме «СДПГ в новом десятилетии». Еще одно свидетельство довольно устойчивой социал-демократической традиции – заглядывать в будущее – ближнее и дальнее. За этим стоит и чисто практическое соображение, учесть факторы, которые позволят удержаться у власти или прийти к власти. Но за этим и более глубокое соображение – нравственного и мировоззренческого порядка – чувство ответственности за происходящее – в месте проживания, в городе, в стране, на континенте. И вот теперь новое обстоятельство – необходимость осмысливать проблемы глобального характера. Причем в условиях нагрянувшего мирового кризиса.

Казалось бы, в возникшей ситуации им, социал-демократам, и карты в руки. После многих лет доминирования неолиберальных идей и практики, в суровую пору нагрянувшего кризиса пришла пора возвращения к государственному регулированию, то есть к тому, в чем накопили опыт как раз социал-демократы. Но все это было в рамках отдельной страны, в лучшем случае, в рамках Европейского Союза. Теперь речь идет о регулировании глобальных процессов, и притом в такой сложной области как область финансов.

Представленные в обзоре материалы, дискуссии по ключевым проблемам, приведенные аргументы и соображения, свидетельствуют о том, что социал-демократы отдают себе отчет в сложности проблемы. Кризис подтолкнул их к более энергичному осмыслению происходящего. Будем учитывать, что дискуссия о кризисной ситуации в момент написания обзора только начиналась, впереди новые споры, новые сообщения.

Но при всем при том остается проблема, которая при всех антикризисных решениях сохраняет актуальность. Это проблема самоидентификации социал-демократии.

Целый ряд причин осложняет эту проблему. Социализм – демократический, этический – это путеводная звезда в справедливое будущее – во многих странах утрачивает притягательность, а в некоторых – просто отпугивает.

Примечательно, что, принимая Этический устав на 22-ом конгрессе в Сан-Пауло (12.01.2008) Социалистический Интернационал в этом документе не считал необходимым хотя бы упомянуть социализм. В Уставе записано: «Мы, партии члены Социинтерна, подтверждаем нашу общую приверженность таким ценностям как равенство, свобода, справедливость, солидарность и мир, которые являются основами социал-демократии. Мы торжественно обязуемся уважать, защищать и продвигать эти ценности в духе основных деклараций и мероприятий Социинтерна» (83). Отсюда – попытка в ряду партий ввести новое понятие – Социальная демократия, которая не обладает воодушевляющими эмоциональными характеристиками.

Следующая причина – то, что наработано первоначально социал-демократами, особенно в области социальной политики, становится общим правилом, нормой. Ныне без механизмов социального государства не обходится ни одна цивилизованная страна.

Еще одно обстоятельство: социальную справедливость, эту ключевую установку социал-демократии перехватывают другие партии. Глава правительства земли Северный Рейн – Вестфалия (ФРГ), христианский демократ по партийной принадлежности и убеждениям, приглашенный принять участие в дискуссии в журнале «Нойе гезельшафт», говорил о социальных проблемах более убедительно, чем иные социал-демократы.

Наконец, проблемы коммуникации с электоратом. Народ хочет ясных лозунгов и простых решений. Между тем, решение новых проблем в эпоху глобализации требует сложных долговременных проектов. Это понимают «модернизаторы» в партиях и соответственно действуют. Но это наталкивается на сопротивление «традиционалистов» в партиях, а уж, тем более, не находит поддержки у тех избирателей, которых больше устраивают громкие лозунги экстремистов левого и правого толка. Одним словом, ход дискуссии в рядах социал-демократии, представленный в данном обзоре свидетельствует о том, что это движение, которое наложило свой социальный и демократический отпечаток на век XX-ый, в XXI-ом веке ждут непростые времена.

Президент Социалистического Интернационала Георгиос Папандреу, выступая в Лондоне 27 апреля 2009 года на конференции «Прогрессивное управление Греции и новый международный порядок», напомнив, что

ныне Социнтерн является самой большой политической организацией в мире, в состав которой входят 170 партий со всех пяти континентов, заявил: «Социалистический интернационал может объединить граждан всего мира вокруг новой глобальной повестки дня» (84). Как говорится, дело стоит за малым – выработать такую повестку и сделать ее убедительной для этих самых граждан. Анализ суждений участников дискуссий, представленных в данном обзоре, показывает, что для этого в социал-демократии существует достаточный интеллектуальный потенциал. Но одного холодного ума недостаточно. Нужно еще воображение. Нужно мужество к осмыслению вдохновляющего будущего. И в этом смысле социал-демократия стоит перед серьезным вызовом*.

* О том, что в политическом плане социал-демократия сталкивается с серьезными трудностями, свидетельствуют и результаты выборов в Европейский парламент, состоявшиеся 4 июня 2009 г. Их осмыслению будет посвящена соответствующая литература. Но это уже выходит за временные рамки данного аналитического обзора. – Б.О.

Примечания

1. Dahrendorf R. Die Chancen der Krise: Über die Zukunft des Liberalismus. – Stuttgart, 1983. – 240 S.
2. Литература о социал-демократии. Указатель реферативных материалов ИНИОН АН СССР. 1983-1988. – М.: ИНИОН, 1989. – 247 с.
3. Литература о социал-демократии. Указатель реферативных материалов ИНИОН АН СССР. 1971-1983. – М.: ИНИОН, 1983. – 258 с.
4. Социал-демократия сегодня: Сб. ст. / РАН, ИНИОН. – Вып. 1. 2002. – 256 с.; «Социал-демократия сегодня». Сб. ст. / РАН, ИНИОН. – М.: 2003. Вып. 2. – 200 с.
5. Социал-демократия перед лицом глобальных проблем: Пробл.-темат. сб. / РАН, ИНИОН. – М.: 2000. – 152 с.
6. Актуальные проблемы Европы. Социал-демократия Европы в начале XXI века: Время перемен. Сб. статей / РАН, ИНИОН. Ред. сост. Мацонашвили Т.Н. – М., 2006. – 240 с.
7. Мацонашвили Татьяна: Избранное: Памятный сборник / РАН, ИНИОН. М., 2008. – 372 с.
8. Hillebrand Ernst. Die Grenzen des Skandinavischen Modells // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte-2008, N 9. – SS. 75-76.
9. Geddens Anthony. Rechts und links. Der Unterschied bleibt gültig // Neue.Ges./Frankfurter Hefte, 2008. N 5. – SS. 19-20.
10. См.: March Luke. Contemporary for Left Parties in Europe: From Marxism to the Mainstreams? // Internationale Politik und Gesellschaft, 2009, N 1, – SS. 126-143.
11. Gabriel Sigmar. Links. Politik für die Mitte // Neue Ges. Frankfurter Hefte, 2008, N 5. – SS. 21-23.
12. Perger Werner A. Lektionen und Lernprozess. Parteienlandschaft im Umbruch // Ibid. – SS.23-27.

13. Miliband D. Probleme der Politik der Progressiven // Ibid. – SS. 24-27.
14. Meng Richard, Damit die Geister sich scheiden // Ibid. – SS. 28-31.
15. Niedermayer Oskar. Plädauer für die Abschaffung der Links-Rechts-Dimension. Ibid. – SS. 32-35.
16. Müller-Hilmer Rita. Sortiert sich das Wahlvolk links? Ibid. – SS. 35-39.
17. Roll Evelyn. Die Sachmit den Eisverkäufern. Wer die Mitte besetzt, hat die Definitionshoheit. Ibid. – SS. 39-41.
18. Meyer Thomas. Zwischenruf: Ohne Mitte geht es nicht. Ibid. – S. 42.
19. Von Luke Albrecht. Die Camouflage der bürgerlichen Rechten. Ibid. – SS. 43-45.
20. Neugebauer Gero. Politische Milieus im Links-Rechts-Raum. Ibid. – SS. 46-47.
21. Brodkorb Mathias. Provokation als Prinzip. Anderthalb Jahre NDP im Landtag von Mecklenburg-Vorpommern. Ibid. – SS. 48-50.
22. Seiffert Anja. Soldaten der Zukunft. Ibid. – SS. 51-54.
23. Майер Томас. Демократический социализм – Социальная демократия. Введение. – М.: Издательство «Республика», 1993. – 173 с.
24. Майер Томас. Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI век. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 285 с.
25. Brandt Will, Kreisky Bruno, Palme Olof. Briefe und Gespräche 1972 bis 1975. – Köln, 1975. – 136 S.
26. См.: Programme der deutschen Sozialdemokratie. Mit einem Vorwort von Willy Brandt. – Bonn, 1978. – 177 S.
27. SPÖ. Das Grundsatzprogramm. – www.spoe.at.
28. Программа Социал-демократической рабочей партии Швеции. – Стокгольм, 1992. – 86 с.
29. Программа Социал-демократической партии Швейцарии. – <http://www.politobras.ru/dokumenti/2008-12-01/programma-sotsial-demokraticeskaja...>
30. Hamburger Programm. Das Grundsatzprogramm der SPD. Beshlossen am 28. Oktober 2007 auf dem Parteitag in Hamburg // Extra Vorwärts. – 24 S. Подробнее см.: Б.С. Орлов. Новая программа германской социал-демократии. Итоги идейной дискуссии в СДПГ. – М.: РАН, ИНИОН, 2008. – 101 с.
31. Meyer Thomas. Theorie der Sozialen Demokratie. Bd II, – Wiesbaden, 2005.
32. Meyer Thomas. Praxis der Sozialen Demokratie. I. Aufl., – Wiesbaden, 2006.
33. Combert Tobias u.a. Grundlagen der Sozialen Demokratie. Lesebuch der Sozialen Demokratie I. – Bonn, o.J. – 157 S.
34. Blair T., Schroeder G. Europe: The Third Way-Die neue Mitte. – L., 1999. – 9 p. – in recto.
35. Giddens A. Soziale Gerechtigkeit in der Programmdebatte der europäischen Sozialdemokratie. – <http://www.spd.de/events/grundwerte/giddens.html>.
36. Путь вперед для социал-демократов Европы. Предложение Г. Шредера и Т. Блэра. – <http://www.politobraz.ru/dokumenti/2008-12-01/put-vpered-dlya-sotsial-demokratov...>
37. Meyer Th. Editorial.//Neue Ges./Frankfurter Hegte, 2008, N 9. – S. 1.
38. Sarrazin Thilo. Der neue Kapitalismus ist der alte. Ibid. – SS. 14-21.
39. Horn Gustav A. Der neue Finanzmarktkapitalismus. Ibid. – SS. 21-24.
40. Höpner Martin. Die sozial-demokratischen Wurzeln. Ibid. – SS. 25-28.
41. Rüttgers Jürgen. Für die Soziale Marktwirtschaft-Gegen den Turtbokapitalismus. Ibid. – SS. 28-32.

42. Lucke von Albrecht. Kontrollverlust und Selbstgefährdung. Ibid. – SS. 37-41.
43. Altwater Elmar. Den globalen Kapitalismus regulieren. Ibid. – SS. 41-45.
44. Meyer Thomas Zwischenruf: Marxismus als Populismus. Ibid. – SS. 45-51.
45. См., например, Eppler Erhard. The Return of the State? – London, 2009. – 236 S.
46. Welche zukünftige Rolle für den Staat. – Friedrich Ebert Stiftung, 2009, Februar. – 12 S.
47. Meyer Thomas. Die Chancen der Sozialdemokratie // Neue Ges. / Frankfurter Hefte, 2008, N 11. – SS. 4-8.
48. Hillebrand Ernst. Zwischenruf: die europäische Linke und die Folge der Finanzkrise. Ibid. – SS. 16-17.
49. Cuperus René. Wie die europäische Sozialdemokratie ihre Wunden leckt. Ibid. – SS. 26-30.
50. Perger Werner A. Warten auf Obama. Hoffnung auf neue Chance für Europas Sozialdemokraten. Ibid. – SS. 30-34.
51. Gespräch mit Franz Müntefering. «Die Luft ist voll sozialdemokratischen Themen und Antworten». Ibid. – SS. 47-52.
52. Reissig Rolf Krise und gesellschaftliche Alternative // Neue Ges. / Frankfurter Hefte, 2009, N 4. – SS. 33-36.
53. Müller Michael / Thierse Wolfgang. Nachhaltige Zukunft. Sozial-ökologische Marktwirtschaft ist die wichtige Alternative zum entfesselten Kapitalismus // Neue Ges. / Frankfurter Hefte, 2009, N 3. – SS. 48-55.
54. Boll Friedrich / Woyke Meik. “Mit uns zieht die neue Zeit”. Sozial-demokratie ohne Utopie? Ibid. – SS.31-33.
55. Dauderstädt Michael/ Eine Zukunft für Soziale Demokratie. Ibid. – SS. 33-36.
56. Zimmermann Klaus E. Zu neuen Ufern oder zurück zu alten Programm-debatten? Ibid. – SS. 40-42.
57. Gabriel Sigmar. Schlüssel ökologische Industriepolitik. Ibid. – SS.42-45.
58. Lucke von Albrecht. Mehr Mut zur Vision. Ibid. – SS. 45-48.
59. Dirmoser Dietmar, Merkel Wolfgang. Die Linke, die Demokratie und die soziale Frage // Neue Ges. / Frankfurter Hefte, 2007, N 12. – SS. 22-27.
60. Жирнов О.А., Шереметьев И.К. «Левый поворот» в Латинской Америке. Аналитический обзор. – М.: РАН, ИНИОН, 2008. – 129 с.
61. Дабагян Э.С. «Левый поворот» в Латинской Америке // Свободная мысль, 2008, № 2. – СС. 63-74.
62. Дабагян Э.С. Уго Чавес. Политический портрет. М.: РАН, ИНИОН, 2006. – 119 с.
63. Дабагян Э.С. Рикардо Лагос. Политический портрет. – М.: РАН, ИНИОН, 2006. – 79 с.
64. Mires Fernando. Nacionales Sozialismus oder soziale Demokratie? Ein historischer Überblick // Nueva Sociedad. Sonderheft, 2008, September.
65. Do Alto Hervé. Von der Begeisterung Zur Ratslosigkeit. Der Blick der europäischen Linken auf Latein-amerika. Ibid.
66. Paramio Ludolfo. Linsruck und Rückkehr des Populismus. Ibid.
67. Roberts Kenneth M. Perspektiven der Sozialdemokratie in Lateinamerika. Ibid.
68. Gallego Franklin Ramirez. Eine, Zwei, viele Tendenzen in der latinoamerikanischen Linken. Ibid.
69. См., например, Славин Б.Ф. Социализм и Россия. – М.: Эдиториал УРСС.

2004. – 432 с. «Правое» и «левое» в российской социал-демократии // Актуальные проблемы Европы. Социал-демократия в начале XXI века: время перемен. – М., ИНИОН РАН, 2006, № 3. – СС. 57-79.
70. См., например, Орлов Борис Социал-демократия: история, теория, практика. Работы 2000-2005 гг. – М.: Собрание, 2005. – 711 с.
71. Яковлев Александр. К социальной демократии. – М.: Материк, 1996. – 79 с.
72. Попов Г.Х. Об экономическом кризисе 2008 года. – М.: Фонд Плеханова, 2008. – 24 с. См. также: Попов Г.Х. О социализме XXI века // Социал-демократия сегодня. – М.: РАН, ИНИОН, 2003. – Вып. 2. – С. 116-120.
73. Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с. Орлов Б.С. Г.В. Плеханов и Февральская революция. – М.: РАН, ИНИОН, 2007. – 83 с.
74. Урилов И.Х. Ю.О. Мартов. Политик и историк. – М.: Вагриус, 2001. – 479 с.
75. Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Часть первая. Источниковедение. – М.: Изд. «Раритет», 2000. – 288 с. Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). М.: Изд. «Раритет», 2001. – 352 с.: Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Часть третья. Происхождение меньшевизма. – М.: Изд. «Раритет», 2005. – 416 с.
76. Ненароков. Статья об Ираклии Церетели.
77. Работяжев Н., Романов Б. Российская социал-демократия: проблемы и перспективы // МЭ и МО, 2006, № 9. – СС. 1-25.
78. Социализм – 21.14 текстов постсоветской школы критического марксизма. – М., Культурная революция, 2009. – 720 с.
79. Ходорковский Михаил. Новый социализм: Левый поворот-3. Глобальная perestroika // Ведомости, 2008. – 7 ноября.
80. Красин Юрий. Социалистическая идея: проекция в XXI век. <http://222.politobraz.ru/novie-publikatsii/2008-12-22/sotsialisticheskaya-ideya-proe...>
81. www.politobraz.ru.
82. Молотков А.Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке. – СПб.: Издательский дом «Русский остров», 2008. – 400 с.
83. Этический устав Социнтерна. Принят на 22 конгрессе в Сан-Пауло. 2008-12-01. <http://www.politobraz.ru/dojumenty/2008-12-01/eticheskiy-ustab-sotsinterna.html> 05.05.2009.
84. Папандреу Георгиос. «Социалистический интернационал может объединить граждан всего мира вокруг новой повестки дня» <http://www.politobraz.ru/lideri-govoryat/2009-05-18/sotsialisticheskij-international-...> 19.05.2009.